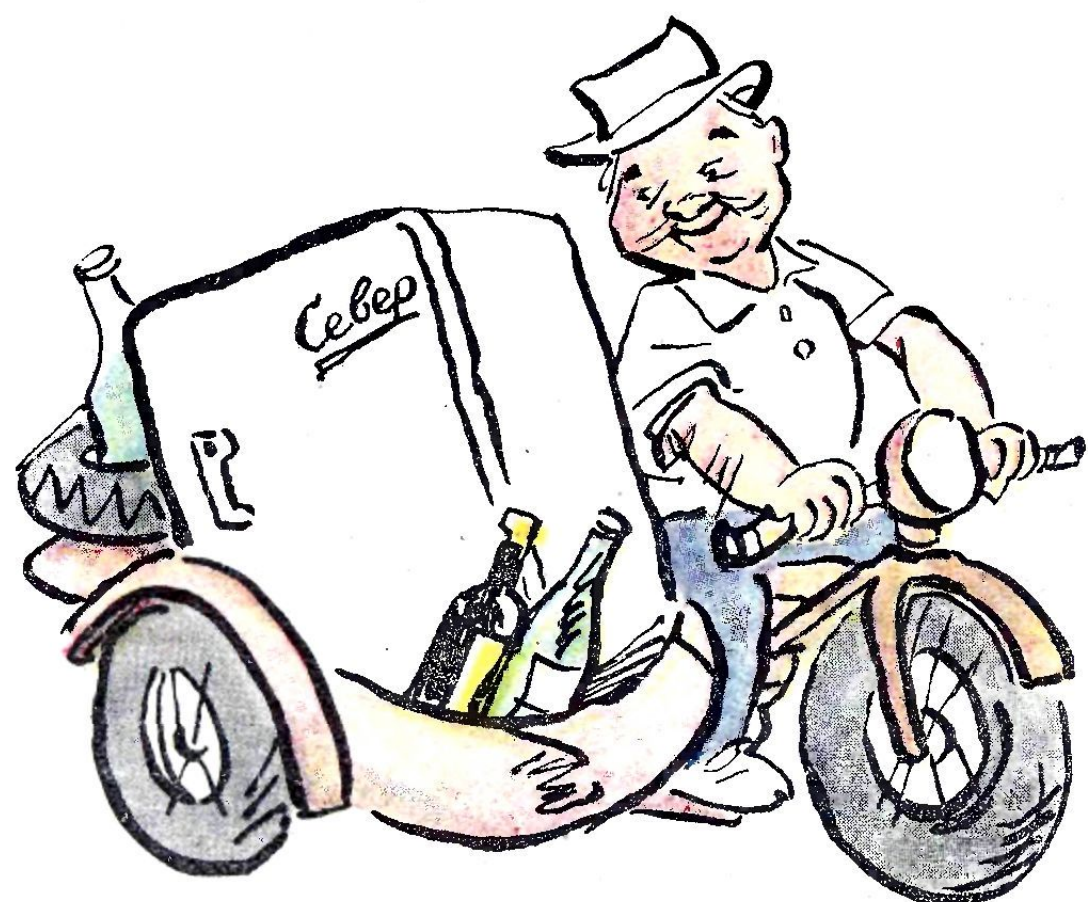
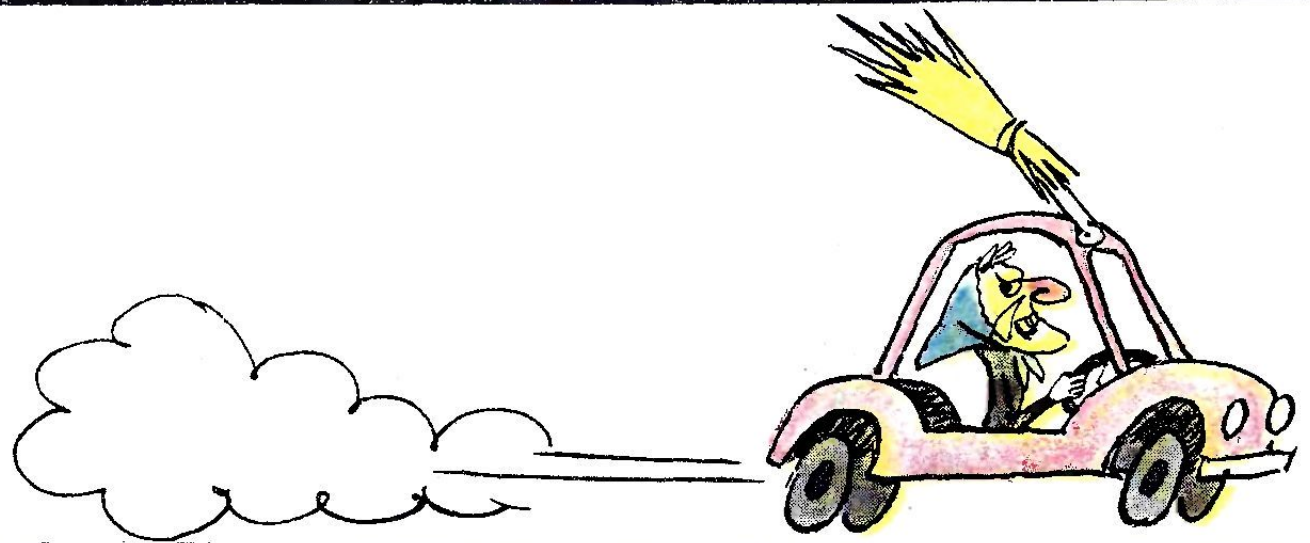
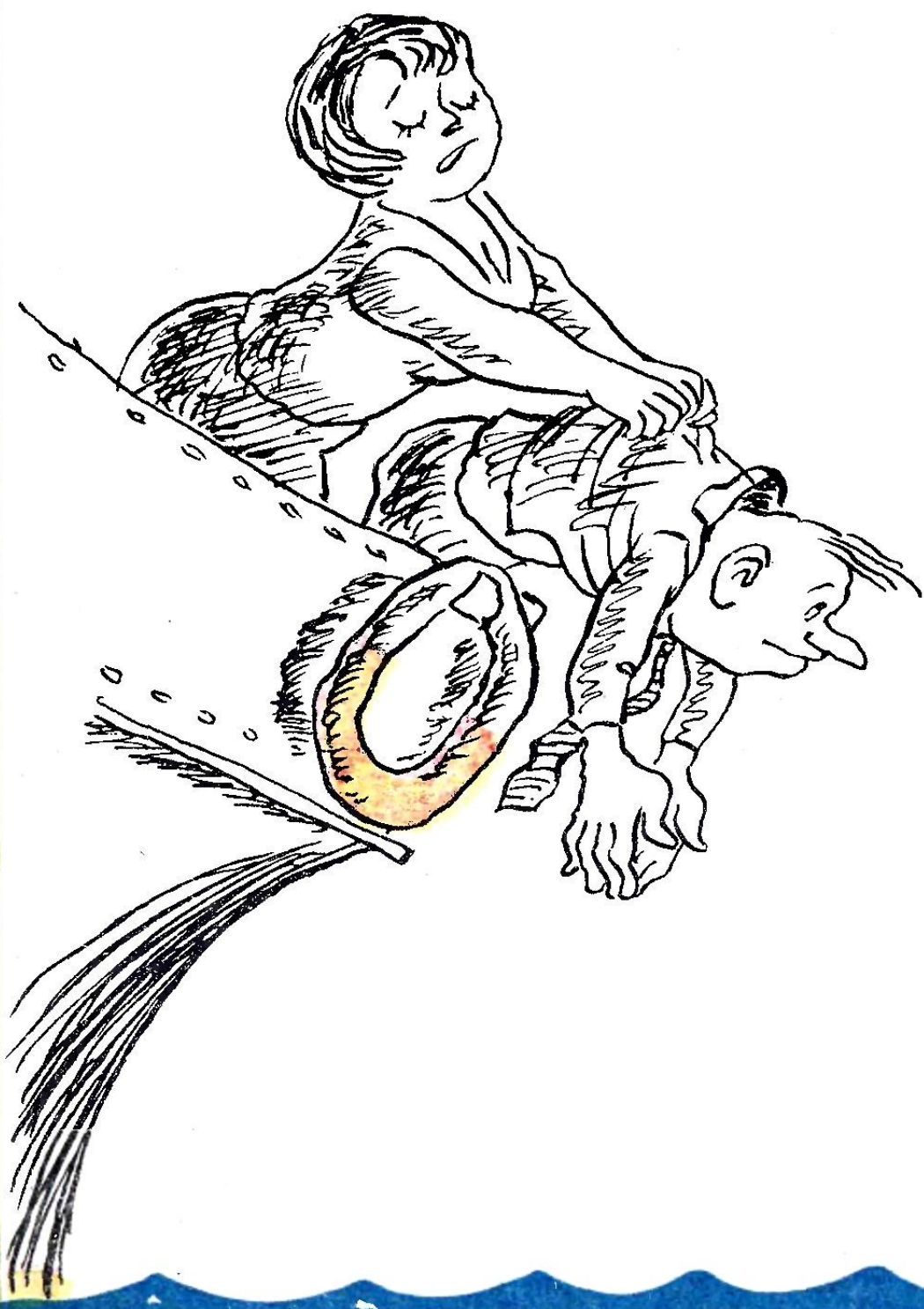

ВРЕМЯ ЛЕТНИХ ОТПУСКОВ

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ

Официант

Молодая мама

Рыболов

Домохозяйка

Санитары

Всякая вещь есть вещь, на которую люди смотрят с разных сторон. Оно и понятно. Нас, людей, много, мы не можем уместиться в одной точке, на одном стуле и поэтому вынуждены смотреть на мир с разных точек зрения. К тому же мы и сами разные.

Вот мне звонят из редакции и говорят: скажите несколько слов о лете. Но ведь если бы разослать анкету сотням читателей с одним-единственным вопросом «Что такое лето?», получилось бы множество ответов, и, возможно, не было бы среди них двух одинаковых.

Я держу в руках хорошую и своевременно мной прочитанную книгу под названием «Время летних отпусков». Точная и, казалось бы, исчерпывающая характеристика данного времени года. Для нефтяников Запалярья, описанных в книге, — пожалуй. Но давайте спросим что-нибудь о летних отпусках у колхозников среднерусской полосы... Да и не только у них, а и у кубанских, молдавских, грузинских.

— Какие же летом могут быть отпуска! — воскликнут они. — Это у нас называется летняя страда, то есть самое горячее время: сенокос, уборка урожая, пахота озимых и вообще всякие неотложные сельскохозяйственные работы. Летом мы работаем от зари до зари.

Тут надо заметить, что за большими делами кое-что всегда остается упущенным. Например, упущено из деревенского, из колхозного обихода словечко «отпуск». Отпуска бывают на заводах, на фабриках, в учреждениях. Деревенские жители узнают об отпусках косвенно, когда к ним в деревню начинают приезжать летом люди из городов.

Идет отпускник по тропинке мимо поля. На плече у него махровое полотенце — пошел купаться. На нем белая панамка от солнца, майка и пижамные штаны. Идет он мимо поля, на котором работают колхозники. Они разгибаются, глядят на идущего в белой панаме и соображают, что в городах начались отпуска. Свое отношение к приезжим местные жители выражают определенно и коротко: дачники. Тут уж нет ни профессий, ни рангов. Будь ты лингвист или токарь, профессор или генерал, — тебя заклеймили коротким словом «дачник», и носить тебе это клеймо до конца отпуска.

Настоящие дачники, то есть владельцы дач, в это время

либо вывешивают на заборах многочисленные объявления «Сдается дача», либо трясутся в электричках с авоськами, трескающимися от полноты.

Много новых слов и понятий родилось за последнее десятилетие. Тут и спутник, и лунник, и мягкая посадка... Некоторые понятия несут на себе положительную окраску, некоторые относятся к отрицательным.

Например, встречные перевозчики. Это когда пустые ящики, запчасти, консервы и свежую рыбу везут, скажем, из Архангельска в Астрахань, в то время как пустые ящики, запчасти, консервы и свежую рыбу везут из Астрахани в Архангельск.

Известно, что тысячи и тысячи москвичей в одиночку и целыми семьями устремляются летом в южные города: в Сочи, в Сухуми, в Гагру, в Ялту, в Одессу... Известно также, что тысячи и тысячи южан в одиночку и семьями устремляются летом из южных городов в столицу нашей Родины Москву. Чем не встречные перевозчики?

Что же делают те и что делают эти? Нахлынувшие на юг москвичи мгновенно превращаются в муравейники тихие зимой, уютные, просторные и полные лирического настроения южные города. На ужасной солнечной жаре они подолгу стоят в очередях в столовые, к почтовым окошечкам, к киоскам с газированной водой, к билетным кассам. Они ютятся по пять человек-коек в одной комнате, едят жесткие шашлыки и вообще терпят всевозможные лишения ради того, чтобы в оставшиеся от очередей часы лежать под жгучими прямыми лучами солнца на раскаленных камнях, то есть чтобы окончательно испортить себе нервы и сердце, недопорченные в душных и медленных очередях. Ну, правда, есть еще море...

Нахлынувшие в Москву южане не могут превратить столицу в муравейник, потому что она похожа на муравейник и без них. Но все же и они вносят свою лепту. Удлиняются очереди в ресторанах столицы. Более безнадежными становятся очереди в гостиницах. Возникают очереди в музеях. Увеличивается товароборот в больших промтоварных магазинах. В Москве в это время, кстати сказать, тоже не холодно. Размягчается асфальт, и шипит газированная вода. Наконец, донельзя измучившись в

очередях и на жаре, и те и эти с удовольствием, с наслаждением возвращаются в свои благоустроенные, прохладные квартиры. «Боже мой! Какая прелесть у себя дома!»

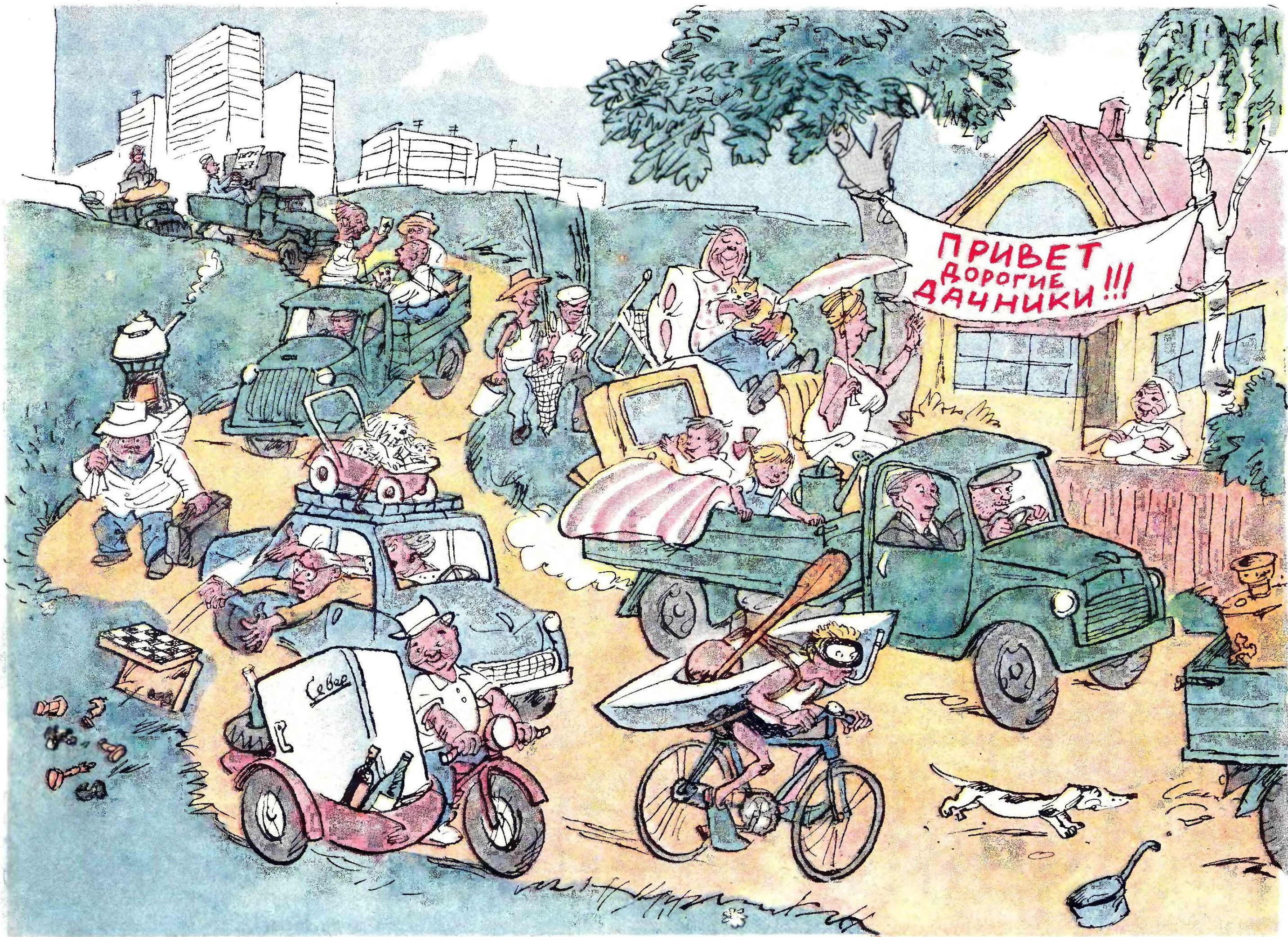
Подобно тому, как выводятся майские жуки, так с наступлением тепла из бесформенных то завернутых в тряпки, то просто занесенных снегом кулоков вылупляется множество автомобилей. Почистившись и помывшись, они начинают сновать по улицам городов и по дорогам страны. Оживляются и приходят в движение туристы-рюкзачники. Начинается энергичное перемещение консервных банок из больших городов на берега озер и рек, на лесные опушки. Обратно в города консервные банки не перемещаются. Они остаются там, в прелестных уголках природы, то ли в виде украшений (все-таки яркие этикетки), то ли в качестве мусора. Вместе с консервными банками перемещается достаточное количество стеклянной посуды.

Можно бы сказать несколько слов о спорте вообще, но с тех пор, как появились зимний футбол и летний хоккей, я запутался в спортивных сезонах.

Чем еще отличается лето от зимы? Зимой есть снег, летом его нет. Зимой бывает в продаже экстракт хлебного кваса, летом его не бывает. Зимой пива мало, летом его еще меньше.

...А лето между тем заливают землю теплом и светом независимо от того, с какой точки зрения мы на него смотрим. Прогревается в реках вода, зацветают белые лилии и желтые кувшинки. В полутьме елового леса зажигаются белые фарфоровые фонарики ландышей. Мягкая трава покрывает всю землю. Расцветают по земле яркие цветы — самое прекрасное, что создано природой. Тихие дождички шуршат в вечерней листве. Капельки росы зеленеют под лунным светом. Соловей свистнет в кустах над рекой, перепел ударит во ржи, коростель дернет на заливаемом лугу. С восходом солнца жаворонки золотыми колокольчиками, подвешенными на невидимых нитях, зазвенят в поднебесье. Белые кучевые облака, словно наполненные ветром паруса, плывут и плывут по всему небосводу. Иногда они начинают синеть, темнеть, собираются в тучу. И тогда мы с томлением ждем грозы, ждем грома и молнии, без которых не может быть и не бывает полноценного лета.

ЛЕТО от ЗИМЫ?

СЕЗОННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

АВТОТУРИСТ — турист, проводящий свой отпуск под машиной.

БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ — любительница водно-лыжного спорта.

ВСЕВЫШНИЙ — альпинист на «Крыше мира».

ГОСТИНИЦА — см. «Свободных номеров нет».

ДИКАРЬ — отпускник, вооруженный электробритвой, киноаппаратом, «Спидолой» и т. п.

ЕЛЬ — дерево, на котором не вырезают сердце, пронзенное стрелой: хочется, но колется.

ЖАР-ПТИЦА — птица, жаренная на костре.

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ — пассажиры воздушного лайнера «ТУ-114».

ИШАК — горный козел отпущения: вывозит на себе все то, что должны носить туристы.

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК — дом отдыха, где круглосуточно дуются в карты.

ЛЕТОПИСЕЦ — школьник, автор сочинения на тему «Как я провел лето».

МАССОВКА — коллективная лорча зеленых насаждений под баян.

НИКИТИН АФАНАСИЙ — как отправился в путешествие за три моря, так до сих пор и идет... на киноэкранах.

ОХОТНИК — турист с ружьем, при помощи которого он убивает в основном время.

ПЛОТ — дом отдыха, пущенный на самотек.

РЮКЗАК — переносный филиал магазина «1000 мелочей».

СВЕРХЧЕЛОВЕК — пятый отдыхающий в палатке, рассчитанной на четверых.

ТУРПОХОД — отдых на ходу.

УПРАВТЕЛАМИ — заведующий пляжем.

ФИЗКУЛЬТМИНУТКА — время, отведенное спорту в пионерлагере.

ХИМКИ — порт, от которого до любого места отдыха буквально рекой лодать.

ЦЕРКОВЬ — памятник старины, охрана которого возложена на местных ангелов-хранителей.

ЧАСЫ-«ПИК» — время (от 6 утра до 12 ночи) питания отдыхающих.

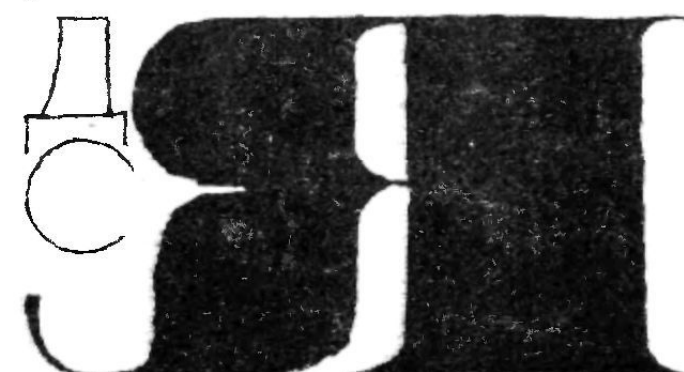
ШТОПОР — предмет первой, второй и третьей необходимости, без которого любое путешествие может заштопориться.

ЩЕГОЛ — певец без микрофона, но с голосом, чем приятно отличается от некоторых гастролирующих на юге артистов.

ЭКСПУРСИОННОЕ БЮРО — не путать с бюро добрых услуг.

ЮГ — место паломничества отдыхающих: по путевкам (за свой счет), по командировкам (за госсчет).

ЯЗЫК — и. о. путеводителя. Доводит до Киева и других населенных пунктов.

С. МАРКОВ

В окна редакции «Крокодила» ворвался ветер дальних странствий. Он пропел «про чащи лесные, про звериный запутанный след, про шорохи ночные» и т. д. и т. п. Заодно ветер перевернул на столах бумаги, наполнил комнаты медовым запахом лугов и распахнул все двери настезь.

Корреспондентам Крокодила ничего не оставалось делать, как отложить на время бумаги и разъехаться кто куда. Благо, двери уже были раскрыты.

И они поехали:
На велосипеде.
На автомашине.
На поезде.

А также пошли:
Пешком.

И «авто-пешком», используя легендарный автостоп.

По возвращении каждый из корреспондентов поспешил отчитаться о проделанном путешествии. Отчеты публикуются на 4, 8, 9, 11 и 15-й страницах этого номера. Итак —

Витя бросил на правый берег Волги карандаш и поднялся с расстеленной на полу карты.

— Итак, позвольте огласить проект обязательства:

«Мы, нижеподписавшиеся отпусники Витя и Коля, обязуемся совершить очень увлекательное путешествие по маршруту Москва — Жигули, отдавая предпочтение местам, в которых реже всего ступала нога человека. Способы передвижения: 1. Пешком. 2. Попутным автотранспортом по замечательной и незаменимой для туристов системе «Автостопа».

Во время путешествия нижеподписавшимся разрешается проявлять неограниченную любознательность.

Запрещается: питаться».

Мы без проволочки подписали этот документ.

— А теперь, — сказал Витя, подняв с Земли Франца-Иосифа наш общий бумажник, — я иду в магазин за бычками в томате, а ты отправляйся на Садовое кольцо в клуб туристов и купи книжки «Автостопа» хотя бы на тысячу километров пути. По расценкам «Автостопа», проезд на это расстояние стоит два рубля. Нас двое, значит, вот тебе четыре рубля.

Мы разошлись.

Тут-то и начались неожиданности. Если Витя закупил в га-

строноме консервы без особых приключений, то мне пришлось в пределах Садового кольца совершить незапланированное путешествие, во время которого я:

а) узнал, что Москва — это в определенном смысле глухая периферия;

б) убедился, что в юности неудачно выбрал себе профессию;

в) нашел пропавшего год назад милиционера;

г) сделал прелюбопытное географическое открытие.

Сначала меня ошарашило сообщение, которое огласил посетителям, пришедшим, подобно мне, за книжками «Автостопа», дежурный клуба туристов:

— Дорогие москвичи-туристы! Приобретайте книжки «Автостопа» на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, Карелии, Ленинграде, Минске, Свердловске, Чите и других городах, областях и республиках.

— А нельзя ли это сделать где-нибудь поближе? — спросил я. — Например, в пределах Садового кольца?

— Только в том случае, если вы работаете волшебником и знаете тайну этого кольца, — загадочно ответил дежурный.

Я не работаю волшебником, но, разумеется, был так заинтригован, что не заметил, как очутился в самом центре Садового кольца — в Московском совете по туризму. Впрочем, сначала волшебство и не понадобилось.

— Вам книжки «Автостопа»? — сказали сотрудники совета. — Пожалуйста.

Я зажмурился от счастья, а когда снова открыл глаза, увидел что-то похожее на филькины грамоты.

— Вы правы, сейчас они имеют сходство с филькиными грамотами, — согласились сотрудники, хотя я еще не успел высказать им свое мнение. — Дело в том, что это всего лишь рукописи книжек. Их надо отвезти в типографию и красиво напечатать. Но сделать это мы не можем, потому что еще прошлым летом бесследно исчез один милиционер — сотрудник Московской областной автоинспекции.

Покров тайны стужался, но...

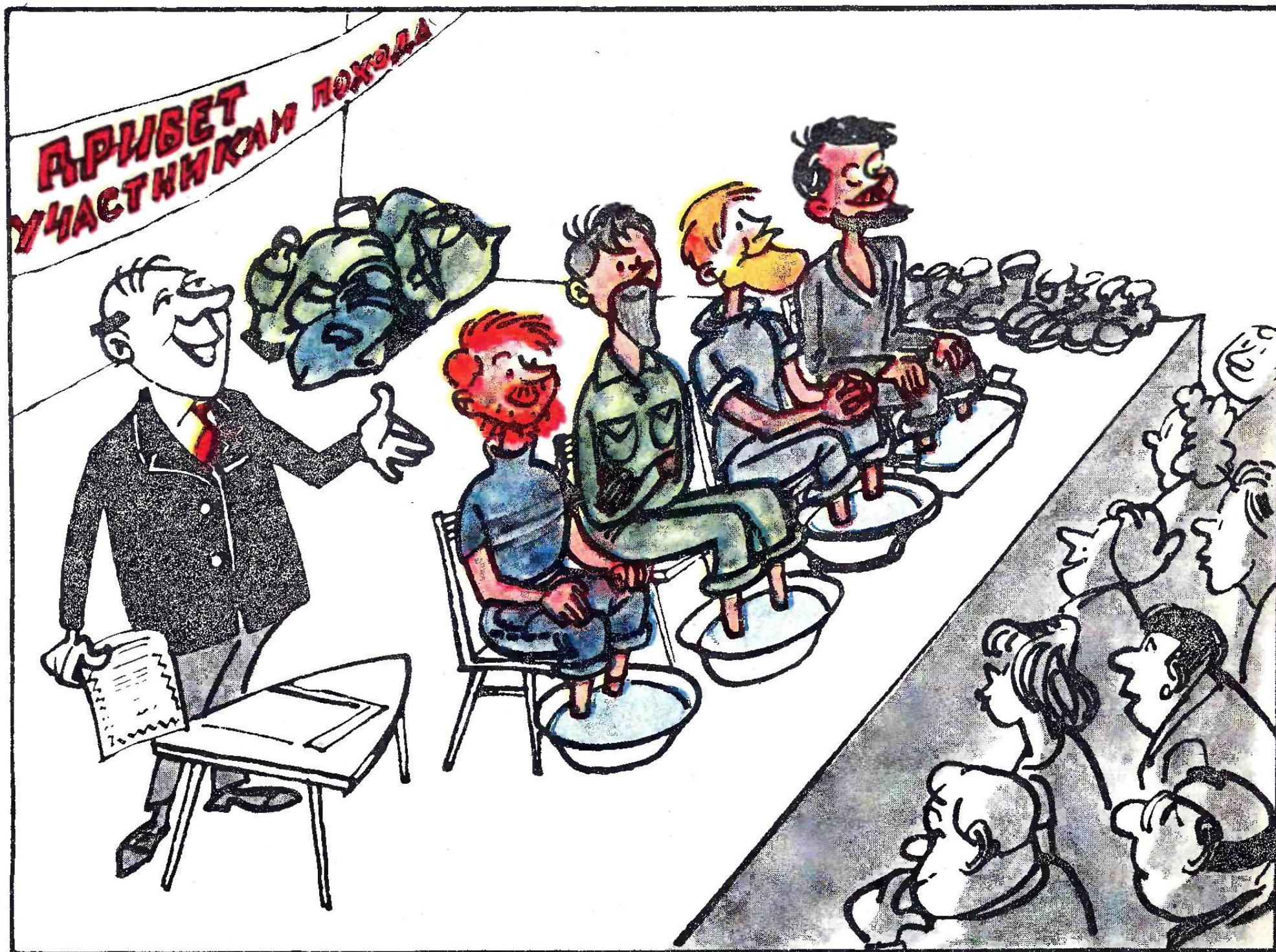
— А куда он не исчез, — сказал мне в своем кабинете, расположенном в восточной части Садового кольца, начальник Московской областной автоинспекции В. Л. Резников. — Целехонек он. Просто Московский совет по туризму прислал нам письмо с просьбой направить нашего представителя в оргкомитет московского «Автостопа», а мы им не ответили.

Вот, оказывается, в чем заключалась тайна Садового кольца! Еще несколько лет назад «Автостопу» дали зеленую улицу все республиканские Министерства охраны общественного порядка, Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог. «Автостоп», как говорится, успешно шагает по стране. А в Москве его остановил один тов. Резников.

— Значит, — сказал Витя, когда я поведал ему о своих похождениях, — придется путешествовать на попутном автотранспорте в Жигули через Киевский вокзал, или Белорусский, или Рижский...

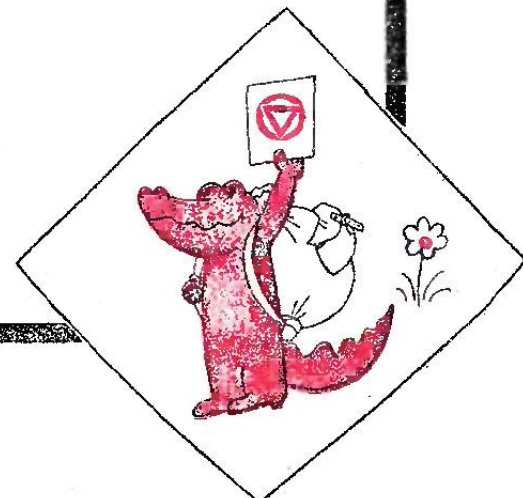
Мы сначала попищали, а потом сели в поезд и поехали за книжками «Автостопа» в Киев. А что нам оставалось делать?

Н. МОНАХОВ

— Сегодня мы чествуем участников многодневного, многокилометрового похода...

Рисунок Б. САВКОВА

СОСНЫ-ПОЛОНЯНКИ

Годы, что ли,
да в придачу
городской бензинный зной?
И надумали мы дачу
снять по Киевской с женой.

В два окошка комнатенка,
а в ограде сосен рать.
И сверлит глазами тетка:
дескать, сколько с нас содрать?

И вот тут-то зарябило,
зазвенело: не могу! —
вроде мы себе рабыню
покупаем на торгу.

В виде этих самых сосен,
гордых дочерей земли,
в виде речки, цифрой восемь
изогнувшейся вдаль.

Это хуже всякой плахи:
гвозди, вбитые в кору,
сохнут теткинны рубахи,
чуть качаясь на ветру.

И тогда с пол-оборота
поняла меня жена:
мол, какая уж природа,
коль природа продана.

И сказали мы: «Покеда!»
Взяли в руки посошки...
Отпечатки наших кедров
у Оби и у Оки.

Ах ты, утренняя роздымь,
клева щучьего пора!
Уносились к ясным звездам
искры нашего костра.

Сквозь года и расстоянья
без щербиночки одной
нежность первого свиданья
возвращалась к нам с женой.

Потому еще несносней
подступает к горлу ком,
как припомнятся те сосны,
что у тетки под замком.

В час, когда поют зорянки,
кодит месяц-чудодей,
плачут сосны-полонянки:
кровь течет
из-под гвоздей.

— Ее отпустили с условием, что она будет каждый вечер звонить домой...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Ты извини, что я с балалайкой, — все гитары туристы разобрали.

Рисунок Г. ИОРША

Вл. ПАНКОВ

ФОКУС

Каждое лето перед нами во весь рост встает призрак благодатного Юга. Сон сразу пропадает, становится тревожно и как-то не по себе.

Если бы не Гусев со своим знойным оптимизмом, мы вообще, наверное, не ездили бы в отпуск, тем более в Крым. Но Гусев — это наша движущая сила, он не дает нам киснуть и уступать свои честно заработанные лежаки на южных пляжах неизвестно кому.

— В этом году мы едем в Крым, — сказал Гусев, — ясно?

Он нацепил каждому из нас по бабочке на шею и повел в цирк, непосредственно к маэстро Баобабченко, известному в иллюзионном мире под кличкой Али-Баб.

— Простите, — элегантно сказал Гусев, входя в кабинет почти на пуантах. — Гусев Леонид, — протянул он руку маэстро.

— Чем могу быть полезным? — не менее элегантно уклонился от его руки знаменитый манипулятор.

— Есть идея, — загадочно сказал Гусев, — уникальнейший номер.

— Было, — улыбнулся маэстро.

— Что было? — вскинул брови Гусев.

— Все было, дорогой, — устало развел руками Али-Баб.

Гусев понял, что маэстро заражен скептицизмом.

— Но этого у вас в цирке еще не было! — горячо возразил он. — Я прочитал всю вашу иллюзионную литературу. У вас, если вы помните, был в репертуаре такой, как бы волшебный

ящик... Так вот, из этого по всем видимым признакам пустого ящика вы с помощью вашей как бы волшебной палочки извлекали человека. Вспоминаете?

— Ну и что? — с удивительным спокойствием спросил Али-Баб нашего пылкого предводителя.

— Так я предлагаю вам вместо одного человека четырех! — эффектно выбросил руки вверх Гусев. — Представляете, это будет настоящий фурор!

— А что, маэстро, это мысль! — неуверенно поддакнули мы.

— Да, но как это сделать? — не поверил Али-Баб.

— Давайте сюда ваш ящик — сами все увидите.

Внесли ящик. Мы влезли в него.

Маэстро побледнел.

— Этого не может быть!

— Будет вам, маэстро, — успокоили мы его из ящика, — в Крыму еще не так приходилось складываться.

— Оформить ко мне новых ассистентов, — не помня себя от радости, крикнул Али-Баб в телефон своему администратору, — и немедленно! Завтра выезжаем.

— Ну, что я вам говорил? — сказал Гусев. — Теперь мы можем беззаботно ехать в Крым в отпуск. Жилье, — он похлопал по ящику, — нам обеспечено.

— Какой Крым? — остудил его пыл маэстро. — Ведь гастролы перенесены из Крыма в Кострому. Произошла непредвиденная пауза.

— В таком случае, — печально расшаркался Ляня, — коллективный договор можно считать расторгнутым. Такие фокусы проходят только в Крыму.

Все ярче солнышко печет,
И в соответствии с сезоном
Неудержимо нас влечет
Прополоскать себя озоном.

Над водной гладью — нежный бриз,
На суше — радуга цветенья...
Турист вы или не турист —
Но вы в рюкзачном настроеньи.

Учитывая все это, мы тоже решили оставить на туристских тропах свои следы. Но чтобы бродить по вышеуказанным тропам, нужна соответствующая амуниция. И поэтому мы полезли в разные каталоги, прейскуранты, рекламные страницы и журнал «Новые товары».

Звала нас в дальний путь реклама...
Ну, значит, так тому и быть.
Мы разработали программу,
Куда и с чем шагать и плыть.

Список составили. В него вошли: палатка, надувные матрасы, надувная лодка, спальня мешки, термосы, непромокаемые штаны, штормовки, кеды, удочки и прочее.

Мы, конечно, знали, что о туристах, отдыхающих «дикарях» и прочих путешественниках и плавающих заботится тридцать министерств, комитетов, главков и разных обществ. Министерство промышленности строительных материалов — термосы. Министерство автомобильной промышленности — велосипеды. Кто обеспечивает нас палатками? Министерство общего машиностроения. Химическая промышленность дает нам средство от гнусов и комаров. Легкая промышленность снабжает гамаками. Солидные гаранты! И мы пошли по магазинам.

Сначала отправились в «Спорттовары». Когда мы показали свой список, продавец захихикал и спросил:

— Это какой шутник надоумил вас искать у нас спальня мешки и надувные матрасы? Мы сами их давно в глаза не видим.

В отделе обуви у прилавка топтались несколько старушек.

— Нам бы кеды...

— Бабушки! — вмешались мы. — Вы что, в баскетбол играете? Чтобы тело и душа были...

— Да нет, мы в них по лесу бродим. За грибом, ягодой, опять же орехами и прочими дикорастущими. В чем же нам ходить? На шпильках, что ли?

Мы обратились к директору:

— Что же вы, Лариса Илларионовна, старушек обижаете?

— Мы не только старушек, мы всех обижаем. Нету кедров. Плохо дело с кедами...

Выяснилось: в Москве выпускает кеды только один завод. Он экспериментальный, принадлежит Центральному Совету Союза спортивных обществ и дает 1 миллион 580 тысяч пар в год. А нужно по меньшей мере 20 миллионов. И получается, что даже с учетом импорта можно снабдить только третью часть «кедоискателей».

— Но все-таки у нас кое-что для отдыха имеется, — сказал продавец и показал на полки. Там лежали коньки, хоккейные шайбы, лыжные ботинки и палки к лыжам.

— А надувные матрасы и лодки?

Нам дали понять, что ничего этого нет и что Министерству нефтехимической промышленности и без надувных матрасов забот хватает. А заодно посоветовали купить коньки и лыжи. Вот сейчас они есть, а зимой их не будет.

Затем мы проследовали в магазин «Охота и рыболовство». Здесь нам повезло больше: нашли рыболовные крючки. Правда, не было удилиц.

— В Москве негде даже починить рыболовную снасть, — сказали нам в этом магазине. — А где уж тут набраться новых? Чего вам еще? Бумажных гильз? Нету. Но вы походите на тренировочные стрельбы спортсменов, там соберете отстрелянные, натолкаете в них пороху, и снова можно пользоваться. Охотники,

Преимущество моды.

Рисунок В. л. ДОБРОВОЛЬСКОГО

например, так делают... Что?.. Спальных мешков тоже нет. Может быть, вы еще лодку-«казанку» хотите?

— Хотим!

— Нету их. Раньше «казанки» в Москве делали, а теперь что Куйбышев даст, тем и живем. Но дает он не по нашей потребности, а по своей способности. Может, вам ижевские ружья охотничьи? Так их тоже нет. Нам на квартал дают их всего шестнадцать штук, а надо десятеро больше. Или вот велосипеды «Спутник»...

Мы ринулись к дверям.

Теперь — крупный универмаг. Тут мы потребовали термосы, что-нибудь от комаров, спиртовую плитку и надувной матрас.

Насчет плитки нам сказали, что это наша смешная фантазия — нужно просто купить примус и захватить канистру керосина литров на пять. Спальных меш-

ков нет. А насчет надувных матрасов и лодок — так их выпускают на Ярославском заводе «Резинотехника». И обращайтесь, мол, туда с вопросом, почему выпускают мало.

Услышав о надувном матрасе, какой-то бывалый путешественник сказал нам благожелательно:

— Графы какие! Надувной матрас! А вы попроще — на лапнике. Ветки сосновые да еловые — это и есть лапник. Мягко спать. Правда, берегитесь лесоохраны: она этого не любит, когда вырубят леса на шалаши да постели. Да что ж делать?

Немало интересного узнали мы о термосах. Оказывается, выпускаются они на Селижаровском стекольном заводе, что в ведении Министерства строительных материалов. Основная продукция завода — елочные игрушки, и с этим все в порядке. А термосов не хватает. Три предприятия — Селижаровский, Киевский и Ашхабадский заводы всей компанией выпускают три с половиной миллиона термосов в год. А нужно минимум семь с половиной.

В общем:

Увы, ни термосов, ни кедров,
Ни портативных котелков,
Ни ружей, ни велосипедов,
Ни гамаков, ни рюкзаков.
Нет ни палаток, ни компасов,
Нет ни удилиц, ни матрасов,
Нет, откровенно говоря,
И прочего инвентаря.

Пришлось искать заменители.

Выяснилось, что у нас имеется 18 кислородных подушек. Если их связать — получится три надувных матраса. Вместо термоса можно использовать кубок с надписью: «Лучшему стайеру 1958 года». Вместо рюкзаков придется взять чемоданы: все же лучше, чем ничего.

Гамаков мы тоже не нашли, зато купили три десятка «авосек». Если их скрепить, получатся гамаки. С большим трудом удалось раздобыть пожарные брезентовые куртки — они спасут нас от непогоды. Купили еще оцинкованное корыто: могут встретиться водные преграды...

А как же нам в пути помог
Спортивный инвентарь такого рода?
Мы подведем тогда итог,
Когда вернемся из похода...

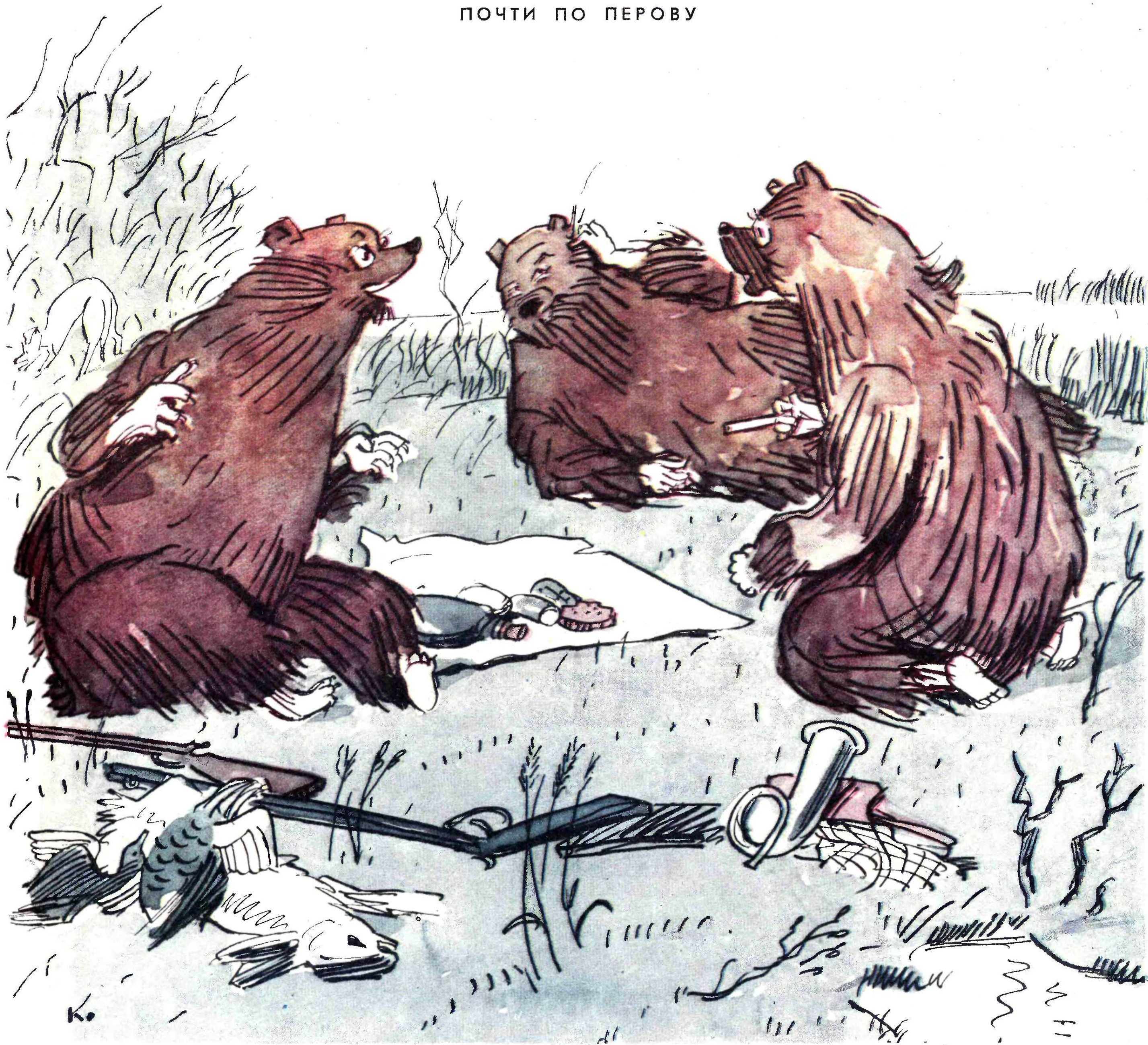
Если вернемся.

Поисковая бригада Кронодила:
А. КАРАСЕВ, С. РЕВЗИН,
Е. ЦУГУЛИЕВА

Мираж.

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

— А однажды в лесу были туристы, которые деревья не рубили, костры не жгли, бутылки не бросали и даже убрали за собой мусор...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Юрий БЛАГОВ

ПЕРСПЕКТИВА

Один малец, увидев Крым,
Поведал окружающим:
— Когда я вырасту большим,
Я стану... отдыхающим!

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Они клялись под солнцем юга,
Что жить не смогут друг без друга,
А вот теперь, вернувшись с юга,
Встречают изредка друг друга.
Проходят встречи скучновато,
Контакт какой-то неуверенный...
А все природа виновата:
Там жаркий климат,
тут — умеренный.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

— Поедем, милый Ваня, на Ай-Петри
Смотреть незабываемый рассвет.
Нигде мы красоты такой не встретим...
— А там с утра работает буфет?

— Давай поедем, Ваня, в сад Никитский:
Деревья там из самых разных стран.
Растут бамбук чилийский, ясень критский...
— А там еще не вырос ресторан?

— Пойдем с тобою, Ванечка, в Массандру
И досыта насмотримся вдвоем
На пинию, секвойю, олеандру...
— Там вина дегустируют?..
Пойдем!

Мих. ВЛАДИМОВ

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Привезли (цветы, культура!)
Урны в пляжные места...
Всюду — мусор. Только в урнах —
Чистота!

КОНТРАСТЫ

На юге не просто жить,
На юге контрастов — страсть:
То яблоко негде купить,
То яблоку негде упасть!

ВОЗЬМИТЕ РУБЛЬ!

Автотурист обычно путешествует не один. Вот и сейчас в автомобиле двое ребяташек, жена и я.

Позади Новгород, где-то впереди Псков. Подъезжаем к развилке. Одна стрелка указывает: «Великие Луки». Другой нет. Останавливаемся и проводим опрос встречных и поперечных на тему, где Псков. Большинство склоняется к мысли, что не там, где Великие Луки. Звучит довольно убедительно.

Километров через десять—пятнадцать жена начинает нервничать:

— А ты уверен, что мы не выедем, скажем, к Таганрогу?

Но вот и дорожный знак: «На Псков». Останавливаем машину и с восторгом дикарей осматриваем скромную табличку—единственный признак цивилизации на протяжении десятков километров, не считая самой дороги.

Вспоминаю с нежностью, как в не такие уж старые добрые времена бесчисленные транспаранты призывали водителей бороться за повышение надоев молока. Теперь дороги пустынные. Неужели же нам нечего рекламировать? Неужели же никто не хочет уговорить меня купить, например, часы «Полет», фотоаппарат «Зоркий-4» или хотя бы хранить деньги в сберкассе? Может быть, я и не собираюсь покупать часы или фотоаппарат и в ближайшее время вряд ли отправлюсь в сберкассе, но как-то обидно становится, что мы, равно как и десятки тысяч других людей на дорогах, не вызываем ни у кого ни малейшего интереса.

Еще одна табличка: «Медведь».

— Папа, а почему это село называется «Медведь»?

— А что здесь интересного? Может, остановимся?

Молчу. Родительский авторитет тает на глазах, как сухой лед, не оставляя даже лужицы.

— Да нет,— говорю,— ничего, наверное, интересного нет. (В Москве после приезда узнаю, что село—живая история. Здесь бывали даже декабристы.)

А ведь могло быть, должно было быть все иначе. У въезда в село деревянный (гипсовый, гранитный, чугунный) медведь держит в руках табличку: «Медведь приветствует вас! Если вы не очень торопитесь, остановитесь на часок-другой в нашем селе, полюбуйтесь прекрасными видами русской природы, ознакомьтесь с нашей историей. Не забудьте приобрести наши сувениры».

Да что там «Медведь»? С какой стороны ни подъедешь к Пскову, видишь только сверхлаконичную табличку: «Псков». И ни слова о сказочной красоте его исторических памятников, ни слова, приглашающего путника в город.

Чувствуя себя незваными гостями, все же заезжаем в Псков. Похоже, что и впрямь мы никому особенно не нужны. В гостинице «Октябрьская» администратор пожимает плечами: что смотреть? Да смотрите что хотите. В киоске преимущественно галстуки-самовязы, а так как, по имеющимся сведениям, древние псковичи галстуков, тем более самовязов, не носили, вряд ли их можно считать сувенирами. Есть, правда, значки и деревянные плашечки с псковскими церквами, но это, пожалуй, и все.

А ведь можно было бы вместо галстуков-самовязов продавать, скажем, небольшие фигурки, изображающие древних псковичей в их одежде, с предметами их быта. Кому бы не захотелось собрать целую коллекцию таких фигурок: и красиво, и интересно, и познавательно. И входила бы история родной стра-

ны в ребяташки головы самым приятным образом—через игрушку-сувенир.

Предвижу возражения товарищей, коим сувенирами ведать надлежит: нет подходящих пластмасс, дерева, гипса, металла, тканей, нет соответствующих расценок, нет художников и т. д.

В свою очередь, позвольте и туристу пожать плечами: что же, нам самим привозить с собой пластмассу, расценки, художников и т. д.?

А может быть, дело вовсе не в фондируемых материалах и отсутствии расценок, а в надменном презрении к какому-то там рублю?

Но ведь дело, к сожалению, не только в коммерции. Проезжаем город Остров той же Псковской области. И опять ни слова о том, что в годы войны здесь действовала подпольная группа героев-комсомольцев. Может быть, где-нибудь в городе и есть материалы о них. Не знаю. Я автотурист. Я еду и вижу лишь одну табличку «Остров». И все. Остановил подряд три машины у въезда в город: два «Москвича» из Ленинграда и новгородский самосвал. Никто ничего об Острове не слышал... Неужели местные комсомольцы не могли поставить хотя бы щит на шоссе? И мы остановились бы и прочли хотя бы несколько слов о героях, и я сказал бы ребятам: снимите шапки. И в эту минуту молчания еще частица истории вошла бы в их души...

Мы ехали по Смоленщине, по местам, где в годы войны земля была буквально пропитана кровью. И снова одни лишь скучные таблички с названиями да редкая братская могила. А я мечтал показать ребятам настоящие окопы, такие, какими они были тогда, в сорок первом. Ведь одно дело тихие залы музея, другое—настоящие окопы на настоящей смоленской земле. Те самые, о которые дробились фашистские полчища. Неужели же и на реставрацию окопов нужны расценки?

* * *

От Пушкинских гор (кстати, на основном шоссе Ленинград—Киев у поворота к селу Михайловскому тоже нет ни щита, ни даже указания часов работы музея) до Москвы около восьмисот километров. Дороги отличные, но... где бы перекусить?

...Проезжаем небольшую деревню. Галлюцинация: большой щит «Чашка чая», а подле щита на простом столе под открытым небом дымит трехведерный самовар. Всеобщий восторг. Из кармана достается все тот же туристский рубль.

Но, увы, нет, конечно, ни щита, ни самовара.

И опять: «А ведь можно было бы...» Или на самовар тоже нет расценок? Ну, ладно, не хотите раздуть самовар (чересчур крупные капиталовложения—три дощатых стола, две скамейки, десять стаканов и самовар), жарьте шашлыки. Всего одна печь с мангалом... Что скажете, товарищи из райпотребсоюзов? Или вам тоже не нужен мой рубль?

* * *

Нет, видно, придется мне привезти этот самый мой туристский рубль обратно в Москву. Он и будет, очевидно, моим главным сувениром...

З. ЮРЬЕВ

Москва—Новгород—Псков—Витебск—Смоленск—Москва.

Василиса
ная: Баба
бушкой хо
Иванушка-д
на кемпинги

Рисунок Ю. ЧЕ...

Товарищи, пассажиры, паром пер...

Рисунок В. Т...

НА СЕДЛЕ ВЕЛОСИПЕДНОМ

Из Москвы мы выехали рано утром. Мы — это я и велосипед, два равноправных путешественника. Товарищески делили мы все превратности нашего восьмидневного пути: мокли под дождем, жарились на солнце, проносились сквозь облака пыли. Даже падая, один не отставал от другого. Правда, в основном ехал на нем я, но случалось и наоборот.

Первые два десятка километров пролетели весело и легко. Нас все обгоняли — «Волги», молоковозы, майские жуки... Но мы гордо не обращали на это внимания. Кругом был лес, только зазеленевший, молодой, и птицы, как деликатные хозяева его, будто передавали нас из рук в руки: ни на секунду не прекращалось их гостеприимное щебетание. Пахло совсем близким летом. Хотелось закрыть глаза и дышать, дышать... Один раз это привело к плотному сближению с придорожным столбиком. После чего майские запахи были вытеснены на некоторое время запахом йода.

На сороковом километре я заметил странную особенность дороги: все подъемы почему-то стали затяжнее и круче, нежели спуски. Позже я убеждался в этом много раз.

Первая ночевка была в Шаховской. На дверях гостиницы — маленького деревянного домика — висели флаг и замок. Я с любопытством обошел домик, ища другой вход. Нашел. Флага здесь не было, замок был. Это настроило меня на пессимистический лад. Я представлял, как появится дежурная и, бросив на меня взгляд, сухо заметит, что с велосипедом в гостиницу не принимают. Оставляйте, дескать, на улице.

Мои размышления прервала женщина с авоськой в руке.

— В гости? — улыбнулась она, отпирая замок.

— Мне переночевать бы...

— Милости просим.

— Э-э... Но я с другом, — сказал я, несмело касаясь седла.

— Можно и с другом. Только мы уж его в коридоре оставим, хорошо? Садитесь, пожалуйста, отдохните.

Я сел. Только теперь, после многочасовой велосипедной езды, я оценил, какое все-таки удачное изобретение стул.

Тем же вечером у случайного прохожего я попытался разузнать о дороге на Зубцов и дальше, вниз по Волге, в Старицу и Калинин.

— Не знаю, — был ответ. — То Индия.

— Что? — не понял я.

— То, говорю, Индия для нас. Другой район, другая область. Бог его знает, как там.

...В шесть утра я сел на велосипед и отправился в «Индию».

Первым крупным селением «индийской» земли были Князьи Горы. Горы были отнюдь не символические. На первом же спуске — легком и стремительном — я понял, почему они называются Князьими. Но потом, как я и подозревал, начался подъем. В эти минуты я ненавидел все княжеское сословие. «Дармоеды! — бурчал я, обливаясь потом. — Вам хорошо было, на лошадях-то! Попробовали б покрутить!»

И еще одно название интриговало меня — Погорелое Городище. Селение оказалось большим и, самое главное, не обнаруживало следов никаких стихийных бедствий. Кроме разве дорожной грязи...

Я заглянул в Дом культуры. Погорельцы мирно читали газеты. Мы познакомились.

— Между прочим, — заметил кто-то из них, — к нам уже приезжал один литератор.

— Давно? — живо заинтересовался я.

— Давненько.

— А фамилию не помните?

— Как же не помнить? Пушкин фамилия. Александр Сергеевич. 6 октября 1828 года заезжал сюда. Грамоту царскую искал. Его предок его Гавриил Пушкин в 1621 году пожалован был. За оборону города. Так-то.

Мы поговорили о литераторе Пушкине, и я поехал дальше.

В Зубцов прибыл вечером. Первым делом отправился в столовую. Рядом со мной потягивал пиво пожилой мужичок. Я спросил у него, как проехать на Старицу.

— Туда автобус ходит. Через Ржев.

— Да нет, я на велосипеде.

— На велосипеде? В Старицу?

— Да, из Москвы.

Мужичок опустил кружку. Он посмотрел на меня сбоку и ничего не сказал. Я уплетал рассольник и чувствовал на себе его осторженные взгляды. Они становились все сочувственней.

— Жена ушла? — вдруг тихо спросил он.

Я поперхнулся.

— Нет, — говорю, — что вы!

— На работе неприятности?

— Нет, все нормально.

— А чего ж едете? На велосипеде-то?

— Так просто. Для удовольствия.

Мужичок вздохнул и скорбно покачал головой. Не поверил... Опорожнив кружку, он снова пошел за пивом. У стойки он задержался и что-то вполголоса рассказал буфетчице.

Вскоре меня окликнули из раздаточного окна. Я удивленно подошел. Мне протягивали тарелку румяной потрескивающей картошки.

— Вы хотели... Пожалуйста.

— Но ведь вы говорили, — несколько растерянно пробормотал я, — что к биточкам не полагается.

— Ничего-ничего. Берите!

Отходя, я услышал за своей спиной сочувственный голос:

— Молодой-то какой! Ах ты, господи!..

Из Зубцова в Старицу есть шоссе, но я поехал проселочной дорогой по правому берегу Волги. Кстати, путешествовать на велосипеде лучше всего по течению реки. Закон физики: вода течет сверху вниз, а не наоборот. Вы, стало быть, тоже катитесь сверху вниз.

В одном месте по полю ползал трактор — бороновали. За трактором низко летала стая грачей. Грачи копошились клювами в разрыхленной земле, выискивали червячков. Тракторист, завидев меня, остановился. Грачи шумно взлетели вверх, выжидательно устроились на высокой березе.

Мы потолковали о погоде, посмаковали кваску. А потом тракторист сказал, что ему долго стоять нельзя — бригадир увидит.

— Как же, — спросил я, — увидит? Село аж вон где, за бугром.

— Да вот, паразиты! — кивнул тракторист на грачей. — Они-то высоко, их издали видно. Бригадир глянет — сидят. Значит, не работаю.

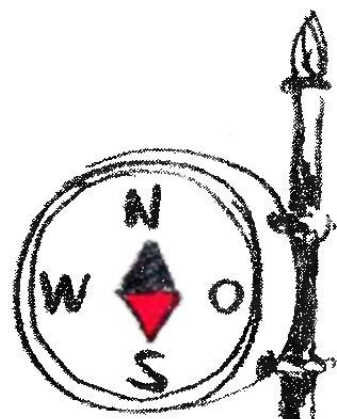
Отъезжая, я обернулся. Грачей на березе не было.

От деревни Лужки до деревни Родня нет не только дорожных указателей, но и дорог тоже. Вот тут-то мы с велосипедом и поменялись местами. Когда мне совсем уж было не в мочь, я остановился и делал вид, что люблю пейзажем.

...Возвращаясь в Москву, я вспомнил изречение английского писателя XVIII века Смоллетта: «Лучшая форма путешествия — пешком». А что оставалось говорить Смоллетту, ехидно подумал я, коли в те времена еще не было велосипеда?

Р. КИРЕЕВ

Москва — Волоколамск — Шаховская — Погорелое Городище — Зубцов — Старица — Калинин — Клин — Москва.

Турист на свидании.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Где это вы так странно загорели?
— В Сочи. Там ведь не повернешься!

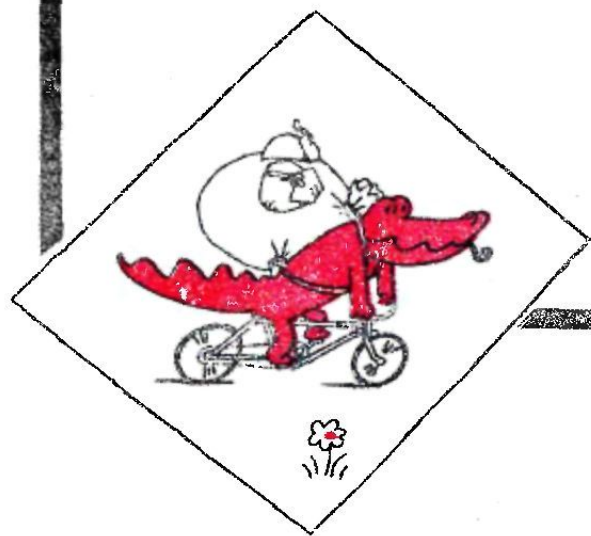
Рисунок Е. ГОРОХОВА

Прекраснее-яге-то с изюмом, а ты, дурачок, все надеешься!

РЕЛАНОВА

епоплен!

ИЛЬМАНА

Пресловутый небритый оболтус в кедах, с топором в руке проламывающий дорогу в жидком подмосковном березнячке и горлающийся «Мама, я хочу домой!», никоим образом не исчерпывает всех разновидностей славного племени туристов. Скорее наоборот: турист, как правило, существо тихое, склонное к созерцанию и любованию вышеуказанным березнячком. Он бескорыстно и преданно любит родной край, исторические даты и сувениры.

Туристами не рождаются. Туризмом заболевают. Наиболее подвержены этому заболеванию люди в возрасте от 15 до 25 лет, однако полностью не гарантирован никто. Житель каких-нибудь Пятихаток или Поньрей, безмятежно дожив до почтенного возраста, вдруг понимает, что жить дальше без того, чтобы повидать Гонолулу, Ключевскую сопку или хотя бы Тамбов, он не в состоянии.

Обняв жену и детей, он лунатическим движением кладет в рюкзак зубную щетку, путеводитель и спускается с родимых ступеней. Его чело овеивают ветры Гималаев. Он видит лавину всадников хана Батыя, летящую на Владимирград. Сидя вместе с Кутузовым в избе, он обдумывает план Бородина.

Туристами становятся внезапно. Лично я стал туристом, прочитав либретто оперы «Борис Годунов». В конце концов, был ли действительно убит несчастный царевич Димитрий, как это явствовало из либретто, или либреттист что-то напутал и царевич закололся, играя в «тычку», можно было выяснить только в Угличе. И я туда поехал.

Теперь когда я там уже побывал, многое для меня прояснилось, но многое стало еще более непонятным и таинственным.

Совершенно непонятно, например, каким образом Ян Плескович, посланец великого князя киевского и основатель города Углича, добирался в 937 году до места своей командировки. Отрезок пути от Москвы до Ростова-Ярославского еще куда ни шло: асфальтированное шоссе, развязки, посты ГАИ... Но от Ростова до Углича! Здесь дорога местами носит ярко выраженный былинный характер и, видимо, сохраняется как памятник дорожного строительства на Киевской Руси. Теплоход же идет до Углича сутки, а стоит там всего два часа. Поэтому я, взвесив все, выбрал железную дорогу. Шесть с половиной часов позади, и вот я в 260 километрах от Москвы — в Угличе.

Особенно хорош город с Волги. Он напоминает трех васнецовских богатырей. По центру Ильей Муромцем встал древний Кремль, оцетинившись копыями маковок и колоколен. По левую руку — молодецкий Алеша Попович: Угличская ГЭС со шлюзом. Могутный Добрыня Никитич представлен Угличским часовым заводом и фабрикой сыров с Всесоюзным институтом масло- и сыроделия. Такое сочетание древности и новизны делает маленький Углич (в нем проживает 35 тысяч человек) большим туристским городом.

Углич подвергается систематическим нашествиям. В 1608 году через город прошел отряд пана Очковского численностью в несколько сот рейтаров. Тогда от города мало что осталось.

В 1968 году Углич посетит свыше 200 000 туристов. Однако есть уверенность, что город выстоит.

Сегодня положение в Угличе таково, что, даже проникнув в город, турист не сможет в нем закрепиться. Судите сами: в городе существуют одна городская гостиница — деревянная изба на 45 койко-мест и Дом колхозника — каменное строение, поддерживаемое персоналом в чистоте, но с санитарными удобствами на уровне техники прогрессивного угличского князя Андрея-Большого, по прозвищу Горяй (1452—1492 гг.).

Как сообщил мне первый секретарь горкома партии товарищ Скобелев В. Н., в ближайшие годы намечено строительство гостиницы на 150 мест с рестораном и еще одной — для интуристов. Когда они будут введены в эксплуатацию, точно сказать нельзя: вопрос находится в зародышевой стадии переговоров и изготовления технической документации.

По линии памятников архитектуры Углич стараниями наших предков занимает одно из призовых мест как по Ярославской области, так и по Союзу в целом. Памятники архитектуры Углича фантастически, прямо-таки невероятно красивы. Как их ни разрушали интервенты, как их ни защищала инспекция по охране памятников архитектуры, они стоят и волнуют, и нашептывают сказки, и делают небо Углича еще более голубым.

Понятие «памятник архитектуры» требует некоторого разъяснения. До недавнего времени считалось, что памятник — это древнее сооружение, пребывающее в полном запустении, так как сломать его не хватает сил (предки строили прочно), а восстановить не хватает средств.

Поэтому, соблюдая золотую середину, поступали так: на памятник вешали доску с указанием, что оный охраняется государством, ломать по возможности прекращали, однако и от восстановления воздерживались, рассчитывая на крепость кладки (известно, что предки в раствор для крепости добавляли яйца). Некоторые хозяйственники полагали, что памятники созданы специально для хранения бочкотары, мыла или, скажем, горючих материалов (как это сделано, например, в Ярославле или Угличе). Если мылу мешали фрески, то их закрывали.

Полной неожиданностью для подобного рода «хозяев» явилось открытие, что памятники не только имеют культурно-историческую ценность, но и могут приносить прямой доход. Для этого из них надо убрать мыло, восстановить фрески, поставить кассу и запустить туристов. Вырученные деньги можно обратить на поддержание памятника и в казну города.

Сейчас повсеместно начался восстановительный ремонт памятников архитектуры. В Угличе этим занимается Угличский участок Ярославских специальных научно-реставрационных мастерских. Как пояснил прораб товарищ Бокарев Н. П., работы ведутся широким фронтом: и в Кремле, и в Воскресенском монастыре, и в Улейме, и на церкви Иоанна Предтечи — свыше десятка памятников. Если учесть, что рабочих на участке человек пятнадцать, то как раз и выходит по одному мастеру на один храм. Кроме того, участок берет подряды на различные поделки в городе. Естественно, что Воскресенский монастырь, построенный Ионой Сысойчем за три года, при таких темпах реставрации восстанавливается уже шестой год. «Лет за десять одолеем», — обнадежил тов. Бокарев.

Духовной жаждою томим, турист вступает на священную землю Угличского кремля. Вот она, церковь Димитрия, что «на крови». Из-за деревянных сараев выглядывает гордость русского зодчества — дворец угличских князей. Много видел он на своем веку: бунты, пожары, народные торжества. Видит он и самодеятельное строительство, не прекращающееся под боком: безобразнейшая пристройка к Дому культуры, возведенная в охранной зоне, сараи, склады...

Ничто человеческое не чуждо туристам. Сытые пищей духовной, они устремляются к столу. Быть на Волге и не откусать волжской ушицы? Как можно!

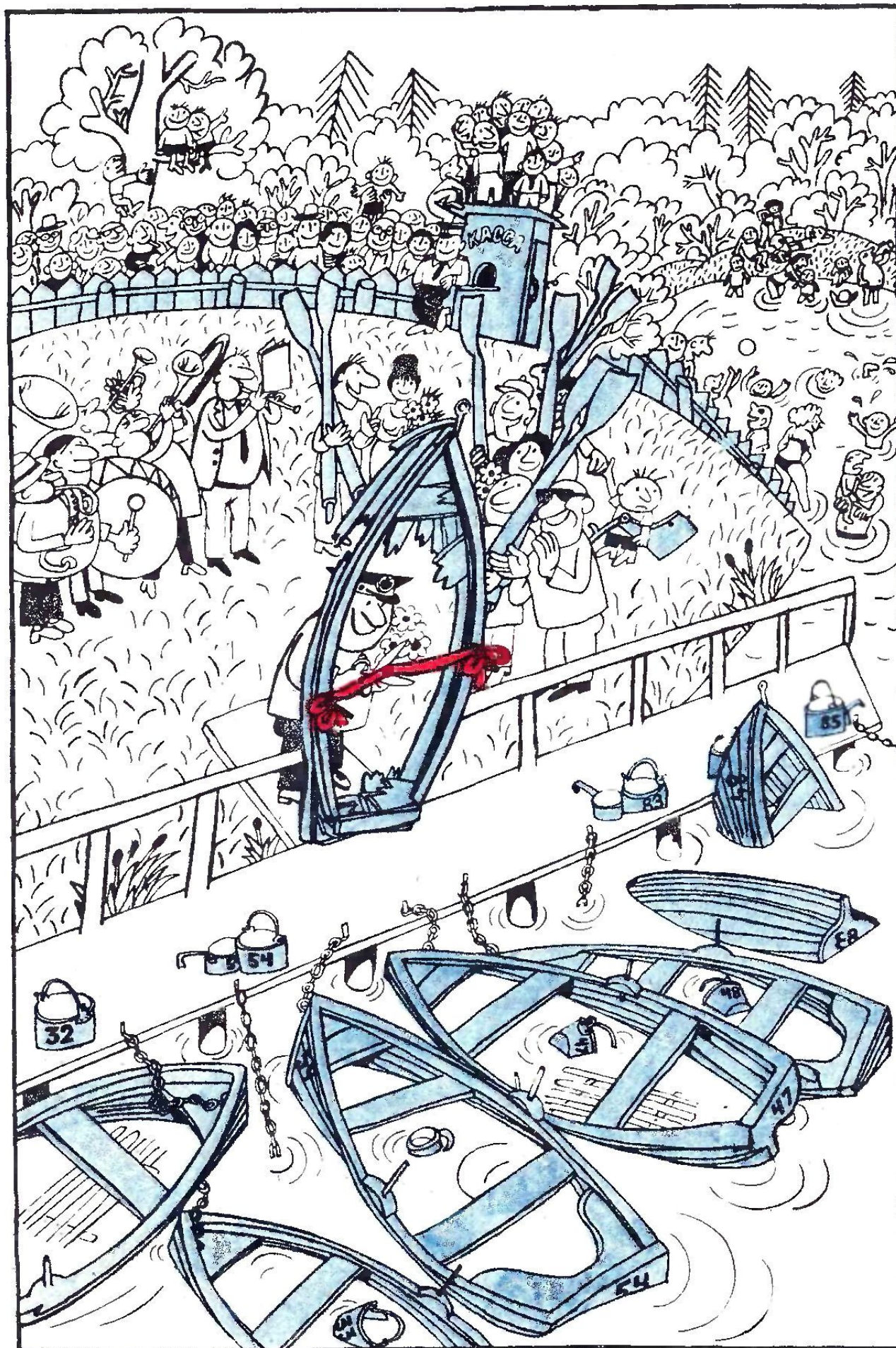
Директор столовой тов. Фомичев предложил нам рыбную кухню в широком ассортименте: консервированный кальмар, хек, морской окунь. Михаил Иванович к волжской ухе отнесся отрицательно, памятуя о штрафе в десять рублей, уплаченном им за покупку рыбы у частников.

Будем объективны: в Угличе действует новое кафе «Волга», скоро откроется «Поплавок», есть и рабочие столовые. Казалось бы, поголовье едоков учтено. Не учтено одно: турист не столько едок, сколько романтик. Ему хотелось бы, сидя под сводами трапезной Воскресенского монастыря, хлебать ароматную ушицу по-углически — из деревянной расписной миски местного производства, заедать сыром угличским и угличской колбасой, запивать местным квасом. За это он готов на все. Вплоть до наценки. Кстати, часть наценки можно пустить на восстановление тех же памятников.

Увы, ухи не было. Был шницель рубленый. Не будем, однако, предаваться гурманству и мечтам о сладких монастырских хлебах. Шницель так шницель, был бы сувенир. Традиционный, угличский: чернолощеные вазы, чеканная бронза, кружева, секирные замки, расписные братины и ковши... Да мало ли что еще мастера-ремесленники! В магазине туристов ожидается широченный выбор товаров: транзисторы из Риги, вазы из Воронежа, радиолы из Киева, гусятницы из Нижнего Тагила. Из Углича нет даже значков. Взятый же в качестве сувенира билет местной речной линии бухгалтерия требует приложить к отчету о командировке.

Честно говоря, в Угличе тоже толком не знают, что случилось с несчастным царевичем. Но я доволен поездкой: я увидел город старинный и юный, город неиспользованных туристских возможностей.

Устин МАЛАПАГИН,
специальный корреспондент
Крокодила.

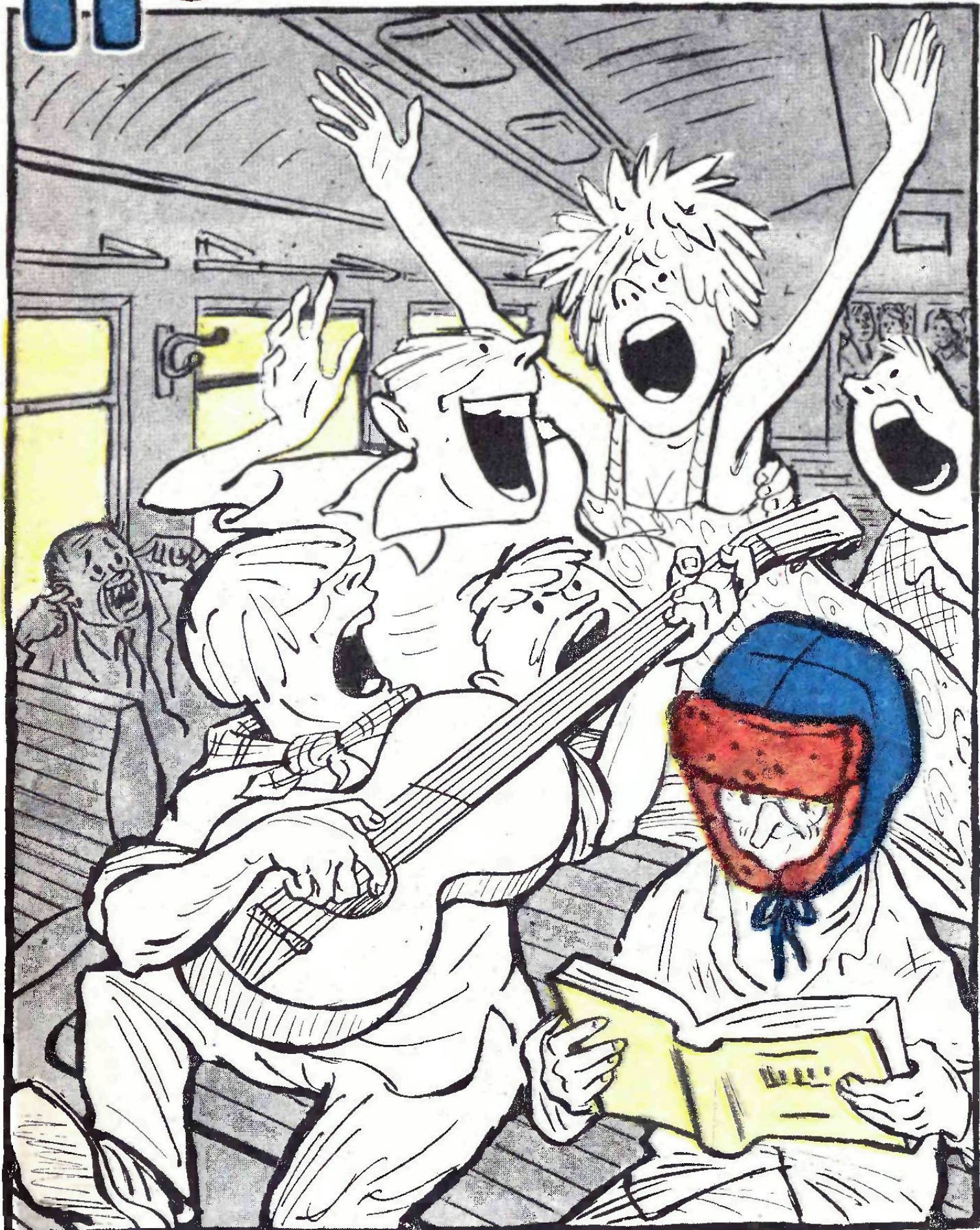

Торжественное открытие лодочной станции.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

г. Углич.

ПОКУПАЙТЕ

ШАПКИ-УШАНКИ !

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Рисунок М. БИТНОГО

Моя РЕКЛАМА

С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ!

КОЛЕСНАЯ ЖИЗНЬ

«Йошкар-Олинец» рвался к Москве. Это такой поезд. Туристский. На 412 персон. Сформировался он в столице Марийской АССР Йошкар-Оле, в восьмистах километрах от Москвы. А потом уже он начал рваться к Москве. Чтобы потом прорываться дальше, к Киеву—Львову—Ужгороду—Кишиневу—Одессе—Севастополю—Евпатории—Феодосии и так далее.

В Москве на борт «Йошкар-Олинца» зайцем-инкогнито забрался нижеподписавшийся посланец Крокодила, чтобы, растворившись в туристской массе, ощутить весь свойственный этому виду туризма сервис.

Поезд жил особой жизнью. Всеобщий подъем производился в семь утра. Когда состав прибыл в столицу Украины в четыре часа утра, его тихонечко поставили на дальний путь, где он спокойно досыпал свое спущенное регламентом время.

А утром все 412 персон плюс пассажир № 413 единодушно встали и захотели умыться. А поезд стоял. А на остановках, как водится, туалеты крепко заперты. Таким образом, первый свой маршрут по городу туристы совершили в поисках интимного уюта.

И вдруг приятная неожиданность. После завтрака к вагонам подошли кассиры киевских театров. В пять минут билеты были раскуплены.

— А в Москве этого не было, — с полуукором в один голос заметили марийские путешественники.

Метод сравнения невольно преследовал туристов в течение двух дней пребывания в Киеве. Например, так же единодушно йошкар-олинцы отдали пальму первенства московским экскурсоводам. Действительно, киевских гидов слушать было довольно скучно. Впрочем, сам город очаровал и покорила сердца приезжих.

В тот день к вечеру началось в стане туристов волнение. Во-первых, томила неизвестность исхода матча «Спартак» (Йошкар-Ола) — «Уралмаш» (Свердловск). Вдогонку туристам была обещана победная телеграмма, а она почему-то не приходила. «Уж не продулись ли там наши?» Во-вторых, оставался один час до начала игры СССР — Венгрия. В поездах телевизоров не бывает. Впрочем, почему же действительно не бывает в наших поездах телевизоров, тем более в туристских? За рубежом, к примеру, это уже не новинка.

Два дня пробыли марийские трудящиеся в украинской столице. Они поднимались на Владимирскую горку и спускались к святым мощам в пещеры Лавры, любовались богородицей в Софийском соборе и стояли в минутном молчании у монумента вечной Славы, гуляли по Крещатику, слушали оперу «Лючия ди Ламмермур», катались по Днепру, штурмовали магазины и жарились на пляже под киевским солнышком. При всем том они не забывали прибегать на поезд, где в трех вагонах-ресторанах их три раза в день ждала вкусная и здоровая пища.

А потом пятнадцативагонный дом отдыха взял курс на Львов. «Министр здравоохранения» туристского поезда, молодой врач Михаил Коновалов, обходил одно за другим купе в поисках хоть какого-нибудь завалывающего пациента. Ни боже мой! Все словно сговорилось быть здоровыми до конца поездки. Доктор Коновалов отправлялся по вагонам-ресторанам брать пробы завтраков, обедов, а также ужинов. Другой медик, врач-рентгенолог Владлен Славин, ехал в качестве культорга. Он проводил тихие интеллектуальные игры-головоломки и организовывал песнопения.

А вагон № 4 состоял вообще из медиков. Но это были уже сплошь туристы, оставившие свои халаты в родной Йошкар-Оле. Во втором вагоне следовали лесничие. В девятом — учителя. В 10-м — передовики сельского хозяйства, премированные данным путешественником. Ехали рабочие, служащие, домохозяйки...

Лучше всех встретил марийских туристов город Ужгород. На перроне ждал оркестр. Он состоял из двух аккордеонов и одной скрипки. Играл вальс «Дунайские волны». Было очень душевно и трогательно. Гвоздем ужгородской программы стал подвал в центре города, где дегустировались закарпатские вина. Было тоже очень душевно...

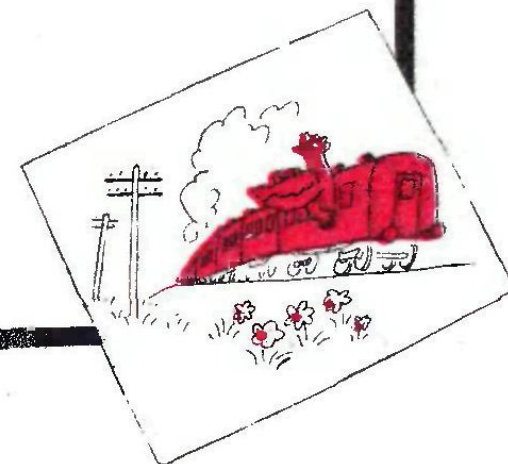
Жаль мне было расставаться с веселым марийским поездом. Так хотелось прокатиться на нем ну хотя бы до Евпатории...

В Ужгороде мы уронили взаимную слезу прощания, и поезд ушел в Черновцы, содрогаясь от печали расставания. Дул ветер. Собирались тучи. Печаль крепчала.

А интересно, какая светлая голова придумала этот действительно приятный и полезный способ путешествия?

В. РЕЗНИКОВ

Борт поезда «Йошкар-Олинец».

В санаторий «Борзан» я попал не в качестве отдыхающего. Я приехал в командировку от журнала.

Редактор сказал:

— Тебе, наверно, известно, что на пороге лето. Встает тема отпусков. Поезжай в санаторий и напиши критическую корреспонденцию.

— О чем? — спросил я.

— Как о чем? О недостатках. Как лечатся, отдыхают.

— Есть конкретный адрес?

— Нет. Возьми любой по справочнику...

Санаториев на «а» в справочнике мне не попалось. Взял первый же на «б» — «Борзан». Естественно, никакого представления о нем я не имел. Тем удивительнее была моя с ним встреча.

...Прежде чем войти в ворота, я долго шел вдоль аккуратного красивого забора. Дырок в нем и оторванных досок я не обнаружил, что меня немало озадачило. Как же возвращаются больные на заповедную территорию из ночных походов? Ведь ворота после отбоя положено запирают.

От старичка привратника, который сидел в шезлонге и читал книгу Чуковского «От двух до пяти», я узнал, что ворота не затворяются никогда. В этом нет надобности: больные по ночам в соседний поселок не ходят.

— А зачем же тогда вы тут сидите?

— Я, милоч, встречаю отдыхающих. Которые приезжают. И чужих не пускаю. Чтобы наших не развращали.

Я достал сигареты и предложил собеседнику:

— Закуривайте. Только вот бензин у меня в зажигалке вроде кончился. Не найдется ли спичек?

— Благодарствую, — ответил привратник. — Не отравляюсь. И у нас вообще никто не курит.

— Ни врачи, ни больные?

— Больных у нас нет. У нас здоровые. И доктора к ним так и обращаются: «Товарищ здоровый, придите ко мне на прием».

— Значит, и эти... здоровые не курят?

— Ну, подымит кто из отдыхающих дня два-три по приезду, а потом бросит...

— А где тут у вас, папаша, сулейман?

— Это что такое? — спросил старичок. — Ты, милоч, русский али кто?

Я пояснил, что сулейманами называются ларьки при санаториях. В них продают спички, папиросы, вина, настоек разные. Оказалось, что ларька такого в «Борзане» нет, что он не имел бы ни копейки выручки, если его открыть, так как «отдыхающие» не только не курят, но и пить ни капли не хотят.

Привратник снова углубился в чтение книги «От двух до пяти», а я, немало удивленный почерпнутой у него информацией, зашагал по каштановой аллее.

В стороне на спортивной площадке двое толстяков в синих тренировочных костюмах отвешивали земные поклоны — сбивали животы. Около клумбы копались люди: пололи траву, подсаживали цветы.

Потом я увидел круглый стеклянный павильон. На нем было написано: «Бювет». У бювета стояли в очереди мужчины и женщины. В руках они держали фарфоровые кувшинчики с длинными носиками дудочкой.

В очереди слышались тихие учтивые пререкания:

— Извините, вы стояли не позади меня, а впереди.

— Нет уж, позвольте вам возразить: я стоял не впереди, а за вами.

— Товарищи, что вы там спорите? — раздался вдруг голос погромче. — Давайте пропустим вперед всех женщин, а мы, мужчины, — потом.

Мужчины радостно заулыбались, а те, у которых кувшинчики лежали в

карманах, даже заплотировали благодарному, рыцарскому предложению.

В бювете из нескольких краников лилась вода. Люди наполняли ею свои кувшинчики, отходили в тень деревьев и мелкими глотками пили из носиков.

— Какая это вода? — спросил я пожилого человека с юношеским румянцем на щеках.

— А, вы нездешний! — догадался он. — Вода какая? Минеральная. «Борзан».

— Спасибо. Большое спасибо. А скажите, как пройти к главному врачу? Мой собеседник принялся не торопясь, детально рассказывать:

— Сначала вы идете этой аллеей, потом будет развилка — сворачивайте не на левую дорожку, а на правую, потом, не доходя мостика, снова сверните, будет большой дом с колоннами. Это не тот дом. Его нужно обойти... Впрочем, разрешите, я вас провожу.

Когда мы проходили мимо одного из корпусов, то увидели двух здоровых в белых панاماх. Они стояли на соседних балконах и разговаривали:

— Я не помешал вам вчера спать своим транзистором?

— Нет, нет, что вы! Я ничего не слышал.

— А мне показалось, что я слишком громко включил последние известия. Потом так переживал!

Нет, критической корреспонденцией в «Борзане» не пахло. Я чувствовал, что попал не туда. Странно как-то все было кругом. Не по-нашему.

— А в чем же секрет? — спросил я главного врача.

Очень симпатичный, добродушный мужчина средних лет, с живыми, а бы даже сказал, озорными глазами ответил мне:

— В «Борзане», в источнике, который мы открыли совсем недавно. Люди несколько раз в день пьют эту воду, а также принимают борзанные ванны. И, представьте, постепенно меняются, оставляют свои вредные привычки и скверные черты характера. Нахал, например, становится тихим, зазнайка — скромным, грубиян — вежливым, склочник — доброжелательным. Некоторые беглые мужья, полечившись у нас, возвращаются к своим женам...

— Вот это уж, наверно, ни к чему, — вырвалось у меня.

— У вас порочные взгляды на

семью, — мягко сказал доктор. — Выпейте «Борзанчику». — И он пододвинул ко мне сифон с водой.

— А что, действует сразу? — спросил я.

— Да, немного. Вообще же результаты лечения сказываются через несколько дней. Но чтобы они не испарились, а были прочно закреплены, нужен месяц.

Я выпил мелкими глотками стакан шипуче-игристого «Борзана» и сказал неожиданно для себя:

— Это хорошо, когда мужья к женам возвращаются. А еще что интересное вы можете рассказать?

— Разное, — ответил доктор, стараясь, видимо, вспомнить наиболее показательные случаи. — Приехал недавно к нам один очень солидный товарищ. Требовал для себя и жены трехкомнатную палату с радиоприемником, телевизором, холодильником и телефоном. Даже ножкой притопнул! Отвели ему целый холл и все необходимые электроприборы притащили — одни из клуба, другие с кухни. А через несколько дней он подходит ко мне и говорит: «Хочу жить, как люди. Будьте любезны, переведите нас с женой в обыкновенную палату». А с другим вот какой случай был. Попадаете мне навстречу веселый, улыбающийся: «Доктор, легче на душе стало! Понимаете, погорячился на заводе перед отъездом и одному мастеру строгача ни за что влепил. А сейчас позвонил в заводоуправление и отменил этот выговор...»

— У вас здесь есть переговорный пункт? — спросил я. — Мне надо позвонить в редакцию.

— Пожалуйста. Почта, телеграф, телефон. Кстати, там вы могли бы тоже кое-что любопытное заметить. Из нашего санатория не посылают таких, например, телеграмм друзьям и родственникам: «Вася, поиздержался. Вышли пятьдесят».

— Ну, а если человек в преферанс...

— Выпейте еще «Борзанчику», — предложил врач. — Никаких преферансов у нас нет. Даже в домино не играют. Теннис, бадминтон, крокет. Физическая работа на свежем воздухе.

— Когда я шел к вам, то заметил много людей у цветочных клумб.

— А, это те, у кого срок кончился. Которые завтра отбывают. У нас отъезжающие не рвут цветы с клумб, чтобы

привезти домой букет, а, наоборот, сажают их. Хотят сделать приятное тем, кто приедет сюда позже...

Я связался с редакцией, рассказал, что увидел. Редактор меня не понял. Он сказал:

— Наверно, тебя там заугощали. Пил что-нибудь?

— Два стаканчика минеральной.

— Минеральной или натуральной? Ты что-то говоришь не то. О «Борзане» не пиши. Этому никто не поверит. Поезжай в другой санаторий.

Я отправился в другой, пожил там неделю и авиапочтой отправил критическую корреспонденцию, которая так нужна была журналу.

А на обратном пути снова заглянул в «Борзан»: все равно дорога моя пролегла мимо этого очаровательного уголка.

Но — увы! — он почему-то уже не был столь очаровательным.

...Со старичком привратником беседовал, запустив руки в карманы брюк, довольно крепко причастившийся мужчина, видимо, «отдыхающий»: «Вот ты нас охраняешь. А скажи, ружье у тебя есть?»

За дощатым столиком, неподалеку от пустующей спортивной площадки, отчаянно дымя папиросами, четверо игроков забивали «козла». Очереди у бювета я не увидел. Из окон спальных корпусов неслись звуки бравурных маршей и задорной «Летки-енки». Они переплетались с другими, протяжно-степными. Где-то замерзал ящик, отдавая последние распоряжения относительно коней, обручального кольца и другого имущества.

В вестибюле главного корпуса около телефонной будки толпились жаждавшие поговорить с далекими родственниками. У одного из них голова была плотно забинтована. А через приоткрытую дверцу будки слышался рокошущий бас: «Не думайте, что я далеко. Приеду — всем по шее!».

Все, что происходило вокруг, вселяло в меня недоумение и тревогу, й я, конечно, кинулся за ответом к главному врачу.

Я застал его расстроенного и взломаченного. Он ходил из угла в угол по кабинету.

— Доктор, ничего не пойму... Забивают «козла! Дым коромыслом! Летка-енка... И этот, с забинтованной головой... — начал я сбивчиво объяснять виденное и слышанное.

Главный врач на минуту остановился, улыбнулся. Глаза его были совсем не озорными, а грустными.

— С забинтованной головой? Да, да. Этот здоровый, то есть большой, вчера вечером ходил в поселок к девочкам. Ну, какой-то парень и приревновал его. Результаты, как говорится, налицо.

— А что же случилось, доктор? Не томите!

— Что случилось? Вода кончилась... То есть вода не кончилась, а трубы лопнули, и насос отказал. Знал, что так будет. Сколько заявок за последние месяцы написал.

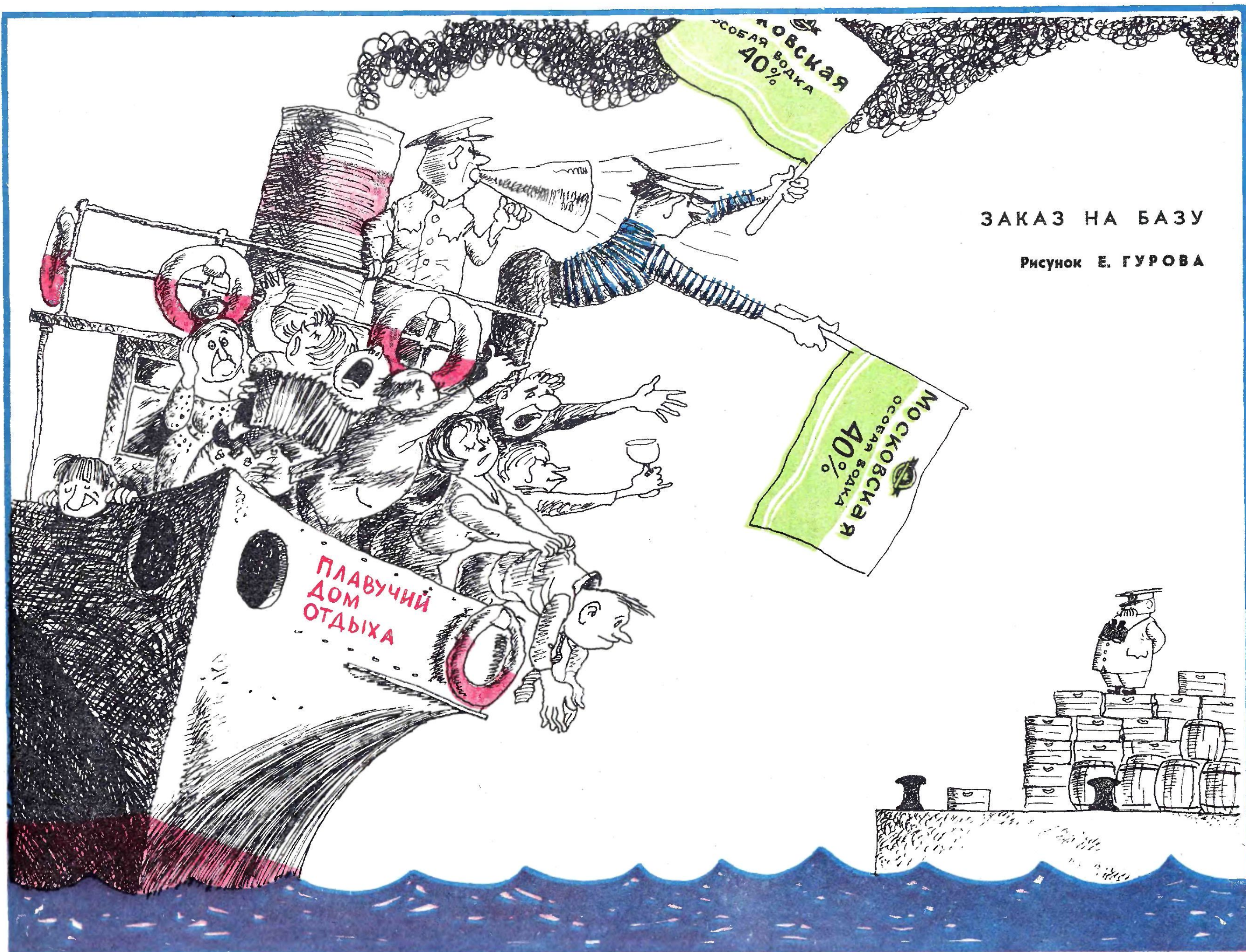
— Обещают?

— Года через два. А как мне ждаться? Как я со всей этой оравой справлюсь? Триста здоро... то есть больных! Двух терапевтов толкачами послал! Сам в завхоза превратился! Да, среди этих трехсот нашел человека, который имеет прямое отношение к трубам. Пока он пил «Борзан», говорил, что поможет. А теперь опять несознательным стал. Заявляет: «Я на отдыхе, и делами мне заниматься сейчас не положено». А он, по-моему, всю жизнь на отдыхе и делами не занимается. Ах, если бы мне опять пустить воду! Вот вы журналист, может, достанете мне эти чертovsky трубы?»

* *

*

Милый доктор, где ты и где твоя вода? Или все это мне только пригрелось?

ЗАКАЗ НА БАЗУ

Рисунок Е. ГУРОВА

ВОКРУГ СЕЛИГЕРА

1
Хлопец шел под таким внушительным рюкзаком, как будто подрядился иллюстрировать популярное утверждение: «В жизни всегда есть место подвигу».

Хлопец шел по перрону Ленинградского вокзала в Москве и, как ледокол, оставлял за собой норидоры в толпе.

Хлопец явно ехал на озеро Селигер. И явно — «дно», без всяких путевок.

Конечно, тяжело тащить с собой из Москвы сразу все: и палатки, и спальные мешки, и всякие крупы, печенки-сгущенки, и даже разборные байдарки. И даже спички. Обидно даже!

Но приходится, потому как ничего такого на Селигере достать и не думать: все расхвачано еще до тебя таким же, как ты, «дикарями». «Динарей» много, а Селигер один. И очень бедный. Ни то сюда не завозят, ни се. Так говаривали в Москве бывалые люди.

И так же сказал хлопец, которого я догнал возле вагона. Хлопец тоже онался бывалым.

— И на пароход там не сядешь, — сообщил он. — В смысле на теплоход. Народ на нем так и кишит, так и кишит!.. Почти вот наи на этом поезде «Москва — Осташков». И на бортах висит. — А что у тебя в рюкзаке-то? — поинтересовался я. — Уж не портативный ли паром? — Хлеб это, — сказал хлопец угрюмо. — Семнадцать буханок.

2

Народ на пароходе кишел. В смысле на теплоходе. Но на бортах не висел. Он сидел на палубе и кричал разборчиво и энергично:

— Тюба-туб, тюба-туб, тюба-тюба-туб!..

Под гитару кричал, припляывая недамы.

Еще энергичнее кричал корабельный динамик:

— По всей Земле пройтись мне в кедах хочется!..

...На пристани сидел и мой попутчик — московский хлопец-хлебосол. Приятель оставил его возле рюкзаков, а сам ушел куда-то прочь. Возможно, даже в обиду на хлопча. Подвел их хлопец. Тащили они сюда мешки продовольствия, а тут все это оказалось в магазинах. Пошли на пункт проката, а там не только лодки, палатки, спальные мешки, а даже мячи, гирлянды иружек и механические бритвы напрокат. Теперь бывалый хлопец сидел на рюкзаке, и в рунах его пло-

ховато хныкала гармоника, тоже, возможно, взятая на пронатном пунте.

— Конечно, в июле почти все это разберут, — пояснили на пунте. — Но все-таки нмущества у нас сейчас попривавилось. И главное, еще в трех местах на озере мы даем теперь лодки «диному» человеку.

Бывалые люди бывали на Селигере три года назад. А кан раз тогда-то озеро и объявлено было зоной отдыха и тут же омеропричено в том смысле, что умные люди наметили мероприятия на благо туриста. И «диноного» и «прирученного» на турбазах. Пятьдесят два миллиона рублей получили умные люди от государства на одно только строительство.

За три года, конечно же, успели они кое-что с умом и поистратить. Не было возле Селигера хороших дорог — скоро будут, не было в Осташкове приличной гостиницы — скоро будет, был чудесный свиерин возле вокзала — теперь не будет. Площадь на его месте захотелось иметь асфальтированную-преасфальтированную.

За три года, конечно же, можно было успеть и побольше поистратить, с не меньшим толком, да некому вот. Если турист прямо-таки рвется на Селигер, то строитель и не думает, потому что ему тоже придется жить почти наи турнсту, «по-диному». Чуть ли не в палатке и чуть ли не с костром. Такие бытовые условия.

3

Турнист становится «диным» не всегда по убеждению. Не достал путевку на турбазу — вот и «одичал». Путевку достать трудно. Путевку хотят иметь все. Поэтому дают более достойным. А более достойным порой считают кого постарше и здоровее порасчатаннее. И тогда проходящий или проплывающий мимо базы «дикарь» с завистью смотрит на мокнущие без дела турбазовские лодки.

Кстати, движется этот «динарь» бог его знает какими путями. Карты Селигера в продаже нет, и даже напитки здешних теплоходов в плохую погоду с трудом разбираются в путанице островов.

Кое-чего еще и другого не хватает на Селигере. Однако все течет, все меняется, и все н лучшему.

Тяжелее только из года в год жизнь рыбакова на озере. Во-первых, столь нужный рыбакову червяк невзлюбил берега озера. Таная острая нехватка его наблюдается, что бывают меж рыбаками и танне разговоры:

— А я позавчера червя поймал!

— Ну да?

— Да. Вот такой вот червище! Лещи на него, как леопарды, нндаются!

Во-вторых, как и в других прочих водоемах, рыба понемногу вымирает на Селигере. Мрет она от назирающих со всех сторон хорошо растущих тростника и осони, от «тресты», кан здесь говорят. Зарастают протоки, целые «заморные» водоемы образуются.

Спасти рыбу трудно. Осташковская рыбоохрана пншет заявну на уничтожение тресты в Калининский рыбтрест, трест перепоручает тресту заботам Осташковской мелноративной станции, которая сообщает обратно тресту, чтобы трест со своей трестой...

И тан до тех пор, пона не выйдет настоящей доброначественной путаницы.

4

И вот фельетон подходит и концу, а автор тан еще и не написал, что Селигер — жемчужина природы. Автора могут обвинить в недопустимом оригинальничаньи, потому что среди пишущих о Селигере таких, которые не упоминали бы о «жемчужине», не водится.

Но это же фельетон, а его и надо канчать пофельетонному. Бился-бился автор над канцовкой, сидя уже в редакци, но тан ничего и не вышло. Ну, никак — н все тут! Подмывало даже написать уныло: «Несмотря на отдельные недостатки...»

Бился до тех пор, пока не подошел срок ухода в отпуск. Махнул тогда автор рукой и сдал фельетон так, без лишней канцовки. А сам поговорил с приятелями и унатил с ними в отпуск... на Селигер. «По-диному». Несмотря на отдельные недостатки.

Е. МАТВЕЕВ,

специальный корреспондент Кронодила

оз. Селигер — Москва — оз. Селигер.

ПРОСТО АНЕКДОТ

Турнсты, выйдя на поляну, спрашивают у лесника: — Здесь можно разводить костры?

— Нет.

— А откуда же здесь столько головешек?

— А это оставили те, кто не спрашивал, можно ли здесь разводить костры.

●

На пляже:

— Гражданочка, не ваш ли сынишка зарыл в песок мою шляпу?

— Нет, что вы! Мой зон там — прожигает увеличительным стеклом ваш надувной матрас.

●

«Дикарь» на юге договаривается с хозяином:

— Вы не можете немного снизить плату за комнату?

— Что вы! С таким прекрасным видом на море! Это невозможно!

— А если я пообещаю, что не буду смотреть в окно?..

●

Автотурист расплачивается за завтрак в придорожном кафе.

— Что вы пили: кофе или какао? — спрашивает официант.

— Боюсь точно сказать, но то, что я пил, отдает клейстером!

— А... тогда это кофе. Какао у нас отдает мастикой!

●

На пляже:

— Дядя, папа просит вас одолжить штопор.

— Хорошо, малыш, передай, что я сейчас приду.

●

Молодая женщина ведет по шоссе машину с огромной скоростью. Сидящая рядом с ней подруга говорит:

— Ты можешь ехать не так быстро? У меня все мелькает перед глазами!

— А ты сделай так же, как я.

— Как?

— Закрой глаза!

●

Мальчик впервые в деревне. Вдоволь набегавшись, он прибежал домой.

— Папа, я видел человека, который сделал лошадь!

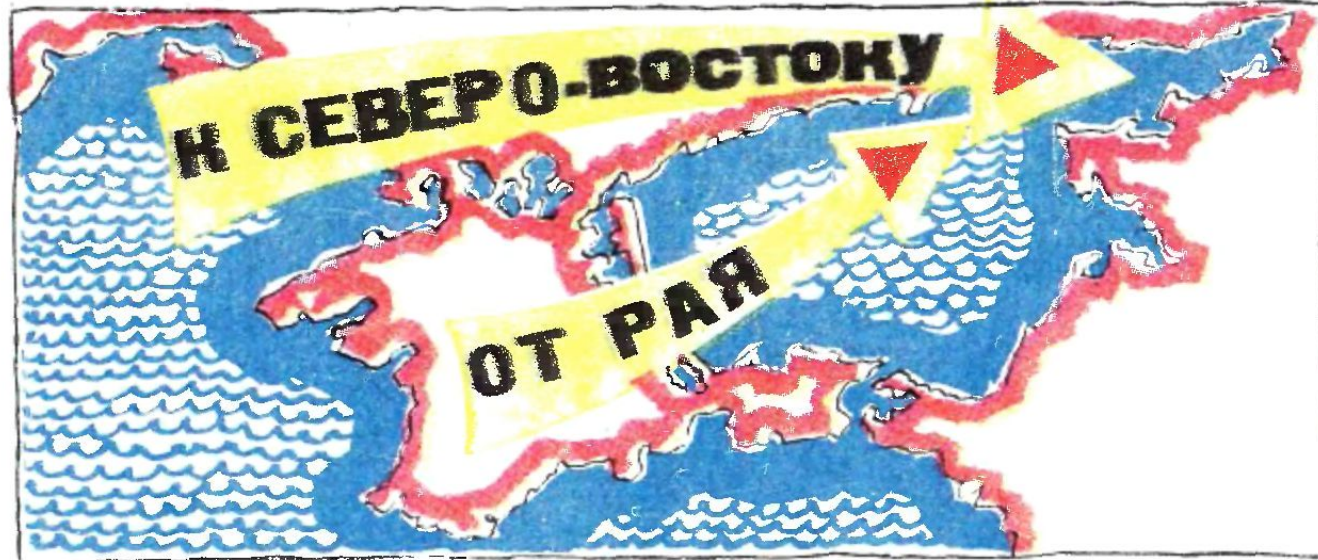
— Не говори глупостей!

— Правда, папа. Когда я подошел поближе, он начал прибывать ей ногн...

●

Вот что написал Вася в школьном сочинении на тему «Поездка за город»:

«Мой дядя купил автомобиль. Когда он проехал несколько километров по горной дороге, мотор вышел из строя. Нам пришлось возвращаться домой пешком. При этом дядя произносил такие слова, которых я не могу повторить и поэтому вынужден на этом закончить сочинение».

Итак, я отпускник. Это значит, что вместе с другими курортниками я бегу по кассовым залам, стучу в пуленепробиваемые окошки хилым, незагорелым кулаком и раздраженно требую плацкарту до рая.

Все хотят в рай. А рай — это Крым. Так сказал когда-то поэт, и администрация Крыма до сих пор не может расплатиться за эту поэтическую вольность. Движимый состраданием к распорядителям крымских горных высей, я останавливаюсь у самых врат рая, в Новоалексеевке, и еду автобусом к северо-востоку. Двенадцать верст — и Геническ: удареие на букве «и», пляжи, «фрукта» и пристани, пахнущие пенькой, йодом, детьми капитана Гранта...

Но якоря, ракушки и всяческая романтика потом. Сначала я иду по Геническу с целью рекогносцировки. Не напрасно ли я сюда притащился? А вдруг все-таки способен пробраться в Крым, в благословенный Гурзуф и в такую традиционную Ялту?

— Мир широк, — философически отвечает на мои мысли Николай Михайлович Куница, первый секретарь Генического райкома партии. — Рай ведь не только в Крыму. Поезжайте-ка вы лучше на Арабатскую стрелку, а? Это ведь почище, чем любой рай. Терзаемый сомнениями, я еду на Арабатскую стрелку. И тут я понимаю, насколько прав был товарищ Куница, утверждая, что мир широк...

Я живу в пансионатском домике, в двух шагах от моря. Единственный мой компаньон — местный сторож Иван Иванович, старый капитан, просоленный всеми океанскими широтами мира. Пока сезон не начался, Иван Иванович — первый министр, гофмаршал и верховный судья здешних мест. Ему не подчиняется только ветер.

— Вот если бы он дул оттуда, — загадочно говорит старый капитан, — тогда было бы дело.

Известно, какое дело: бычки, жирный «колкан» — камбала, судак. Спортивная ловля разрешена круглый год по всему Приазовью. В семь утра капитан варит уху и демонстративно кашляет под моей террасой. Я понимаю, что мое штатское разгильдяйство возмутительно, встаю и киджусь прямо с постели в сонный прибор. Затем я сохну на песке, где лежит прибитая за ночь «комка» — водоросли с ракушками. Грубое слово, но бывшее здесь недавно медицинское светило определило, что целебным качествам «комки» нет цены — йод, железо, еще какие-то суперпользительные элементы...

Следует день, напоенный ромашками, полынью, дикими степными травами. Ласточки кричат обеспокоенно: скоро пансионат откроется, и сюда уже приехал его шеф-повар Владимир Михайлович Зайцев. В жаркое время он ухитряется первоклассно кормить публику не каким-то хлебом, как некий Иисус, а бифштексами и печеньем курабье. Сейчас он, слов-

но архистратиг, осматривает свою технику: мортирные жерла чанов, аэродромы «жаровочных поверхностей» и холодный цех, откуда будет вестись пристрелочный огонь салатами.

— Жаль только, — мрачнеет шеф-повар, — что Ново-Троицкое хозяйство опаздывает с пищепродуктами...

Да! Я обязан вместе с товарищем Зайцевым возвысить голос «за курей». Курортная общественность кушает их с энтузиазмом, а подвозятся они из города по Арабатской дороге нерегулярно. Впрочем, за такую магистраль даже тишайший царь Алексей Михайлович отрубил бы голову боярину, ведавшему дорхозайством. Есть, правда, и «чугунка», но строптивые начальники из Приднепровской дороги ни в какую не хотят делать остановку у пансионата. И отпускник вынужден тащиться с чемоданами до пансионата пешком. Сам товарищ Куница бьется, как тигр, за всевозможное улучшение, но местных сил не хватает...

Я иду по дороге мимо пансионатов, благо налегке, и бриз овеивает лицо. Люди добрые, как хорошо здесь и как могло бы быть лучше! Если бы центр уделял внимание, а заодно — денежки. И зачем бы тогда действительно в Крым, если для любителей экзотики и малолюдыя здесь впрямь райское место? Истинно говорю вам. Тем более, что все время мустируется кошмарный слух: Чонгарский мост якобы перекрыт, и два милиционера у врат рая, Петр и Павел, звеня ключами, сортируют отпускные души на праведников с путевками и грешников без таковых. От ворот — поворот.

Так сюда, товарищи, к северо-востоку! В Геническ, на стрелку. Но где кемпинг? Где столовые, стадионы и танцплощадки? А ведь полезной пляжной площади тут семьдесят километров, но об этом знают только знакомые знакомых моих знакомых. Ибо нет даже в помине каких-либо проспектов, или путеводителей, или описания здешнего края... И разозленные автоваряги, нарочно окутав Петра и Павла выхлопными газами, разворачиваются и шпарят в привычную Одессу. А там уже «жарится» свой очередной миллион пляжущихся.

Вопросы теснят мне голову. Я иду в свой домик, а звездные мухи путаются в млечной паутине, и бежит к ним по облакам серебряный паук-луна. Я ложусь спать и уже сквозь неподъемный сон слышу чей-то истерический хохот. Это чайка-хохотунья, а может быть, и «дикарь», попавший сюда впервые и обезумевший от счастья. Всего ему доброго! Завтра мне в путь, на Бердянск, по побережью, куда бьет несправедливо обиженная азовская волна...

Поговорим серьезно. Неиспользуемая полоса азовских пляжей

составляет около 400 километров, что дало бы всем нам гораздо больше, чем хваленный-перехваленный Крым. Здесь есть изумительный песок, температура воды — двадцать четыре градуса; очевидно, лучший в мире микроклимат для болящих ангиной, катаром верхних дыхательных путей и прочая; богатейшая пищевкусовая база с виноградом и «курями». Здесь имеются даже свои Гурзуф и Старый Крым. Я не шушу: любой «дикарь», приехавший в эти места, сможет зимой, не краснея, рассказывать, что он-таки отдышал в Ялте.

Здесь нет скорых поездов до Жданова; подходящего аэропорта для тяжелых машин; упомянутых кемпингов, столовых и всего прочего.

Точнее, они есть, но пока только на макете, стоящем в кабинете товарища Н. П. Шульгина — первого секретаря Донецкого горкома партии. Подобно клондайкским золотоискателям, дончане «застолбили» себе участок западнее азовской Ялты и приступили к возведению мотелей, бассейнов и прочих скейтинг-рингов. У Николая Павловича, неутомимого строителя заметно чешутся руки.

— Ведь тут же золотое дно! — говорит секретарь, кружа около макета и подправляя одним пальцем здание двенадцатиэтажного небоскреба. — Здесь уже и так можно прекрасно отдыхать. Но где средства на развитие? Где авансы?..

Это наводит на размышления. Донецк, Жданов, Запорожье ревностно берутся за освоение курортов. «Азовсталь» построила домики, коммунальщики готовы к походу на Азов, профсоюзы тоже не лежат в тени. Но, ах, как трудно и грустно без фондов! Совсем на мотив «Пойду в аптеку, куплю яду, аптекарь яду не дает...» То же самое с фондами. Их нет у отдельных предприятий и ведомств. А у кого они нашлись бы? У солидной подрядной организации.

Пусть не будет она обязательно комитетом. Пусть будет она акционерным обществом со смешанным капиталом и даже, черт возьми, с ограниченной ответственностью. Так сказать, «лимитед». Не надо пугаться этих слов. Это все равно будет наш, советский «лимитед». Пусть он ищет, строит, эксплуатирует объекты и распределяет дивиденды на вложенный капитал. Часть доходов — на погашение ссуд, часть — на амортизацию, часть — на расширение. В общем, вполне по-социалистически. Потому что приедет в Гурзуф и Ялту не какой-нибудь чуждый нам мистер Твистер, а прежде всего наш трудовой люд. Капиталы, как основные, так и оборотные, будут вложены непосредственно в его здоровье, что, в свою очередь, принесет неисчислимые прибыли.

Организацию можно любовно назвать по-привычному, по-родному, что-нибудь вроде «Главоспецкурэксстройбытотдых». Неважно. Лишь бы побыстрее. Ибо уже катят по шоссе моторизованные дивизии отдыхающих, уже входят сурово на трапы лайнеров авиадесантные курортные группы и, грозно гудя, едут великие эшелоны отпускников.

Армада прет в рай, в Крым. А ей бы — к северо-востоку!

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент
Крокодила

Геническ — Бердянск —
Ялта Азовская — Жданов.

На массовке за городом:
«НУ, ЭТО ПОГОДИ — НЕ ДОЖДЕШЬСЯ! ЕСТЬ КВАС, ДА НЕ ПРО ВАС».

А. ЧЕХОВ.

В столовой дома отдыха:
«—А ПОДАТЬ СЮДА ЗЕМЛЯНИКУ!»

Н. ГОГОЛЬ.

Жарким днем в городском парке:
«АВТОМАТЫ НАШИ НЕ МОГЛИ НЕ ТОЛЬКО ЧУВСТВОВАТЬ... НО ДАЖЕ РАЗУМЕТЬ ЧУВСТВОВАНИЯ».

Д. МАРЛИНСКИЙ.

Меланхолик в санатории:
«Я ИЗДАВНА СОЛИСТ И АККОМПАНЕМЕНТА НЕ ОЖИДАЮ, ОДИН ПЬЮ...»

Н. ЛЕСКОВ.

Ловелас на курорте:
«Я БОЛЬШОЙ АМАТЕР СО СТОРОНЫ ЖЕНСКОЙ ПОЛНОТЫ».

Н. ГОГОЛЬ.

О сестре-хозяйке в санатории:
«ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ГЛАЗА СЕСТРИЦЫ С БДИТЕЛЬНОСТЬЮ АРГУСА СЛЕДИЛИ ЗА КАЖДЫМ ШАГОМ».

М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН.

«Дикар» на отдыхе:
«ЖИЛ ОН, СЛУЧАЛОСЬ, ВПРОГОЛОДЬ, НО НЕ ПАДАЛ ДУХОМ... ОН ЗАКАЛИВАЛ СЕБЯ...»

К. СТАНЮКОВИЧ.

Хулиган в лесу:
«МНОГИЕ УЧЕНЫЕ ПРИПИСЫВАЮТ ТАКОЕ ЖАЛКОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СИЛОЮ... АТАВИЗМУ, ОСТАТКУ УНАСЛЕДОВАННОГО ВАРВАРСТВА, НЕ УСПЕВШЕМО УКОНОЧАТЕЛЬНО ВЫДОХНУТЬСЯ».

Д. ГРИГОРОВИЧ.

В некоторых санаториях:
«ЧТО МЫ БУДЕМ ДЕЛАТЬ ДО ОБЕДА? БИТЬ БАКЛУШИ?»

И. ТУРГЕНЕВ.

Диалог отдыхающего с культуработником:
«НУ, ТАК, Я ПРАЗДНЕН, Я БЕЗ ДЕЛА, А ТЫ — БЕЗДЕЛЬНИК ДЕЛОВОЙ!»

А. ПУШКИН.

У скульптурной композиции в парке:

«И Я, БЕЗ ПАМЯТИ, БЕГОМ, КУДА ГЛАЗА ГЛЯДЯТ, ОТ ЭТОГО УРОДА».

И. КРЫЛОВ.

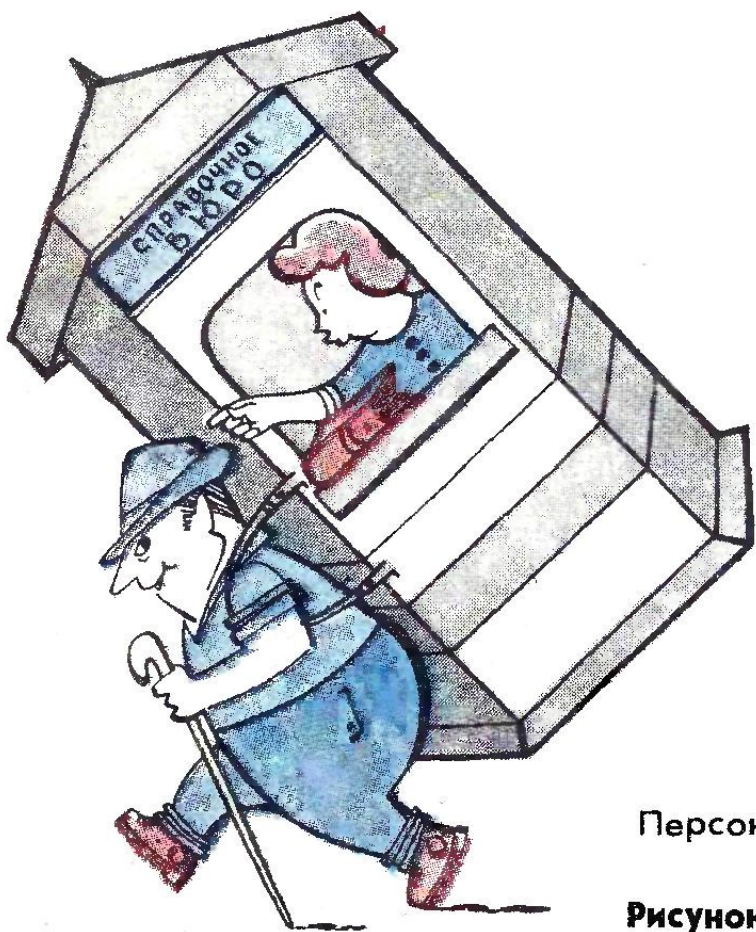
Лектор на эстраде в парке:
«ОН ПРЕДНАМЕРЕННО УТОПИЛ СВОЮ МЫСЛЬ В ЦЕЛОМ МОРЕ БЕЛИБЕРДЫ».

М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН.

В комнате, снятой с помощью бюро услуг:

«ОТ ЖАРУ НЕ ЗНАЮ, КУДА ДЕВАТЬСЯ! — ОНО НИЧЕГО... ПАР КОСТЕЙ НЕ ЛОМИТ! ДА И ВЫДУЕТ ЖИВО, ХОРОМЫ-ТО НАШИ, ЧТО РЕШЕТО».

А. ОСТРОВСКИЙ.

Персональный путеводитель.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Далеко собрался?

— На Парнас.

Рисунок М. УШАЦА

С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ!

Когда на меня навьючили рюкзак, я чуть не сложился пополам. Выглядеть я стал более компактно, но обзор местности ухудшился. В метро я попытался отделаться от рюкзака, но он как будто сросся со мной. Тогда я опустился на сиденье, не снимая мешок. Это был акробатический этюд: рюкзак «сидел», а я болтался в подвешенном состоянии.

До сих пор таскаться с рюкзаками мне приходилось лишь в прачечную. Поэтому о коварстве свиной тушенки я ничего не знал. Оказывается, в рюкзаке она превращается то в свинцовую, то в блуждающую. В качестве последней она вела основательный переечет моих позвонков.

...Приехали. Несколько туристских групп широким фронтом врубались в лес. Лес онемел. Пение птиц нынче не в моде, шелест листвы стал архаизмом. Нынче в моде портативные магнитофоны. Глушение лесных звуков становится модной разновидностью браконьерства. Похоже, что пришельцы из автомобильных джунглей боятся леса. Трель пеночки может расшевелить в них тоску по природе. Тогда не захочется отстреливать дроздов. Тогда не поднимется рука подрубить одетую в свадебный наряд березу. И они глушат пеночку обухом магнитофона.

Мы входим в лес. Солнце разламывается о кроны деревьев и падает к нашим ногам, отражаясь

в битом стекле. Очевидно, городской житель ощущает раскованность, когда колошат бутылками о стволы. В городе этого себе не позволяют. А здесь человек — царь природы. Вокруг лишь нижестоящие жучки, травы, осины. По-

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

пробуй кто-нибудь из них возразить — мигом свернут голову.

Мой друг Стаська тихо ругается. Сам он относится к лесу поджентльменски: лишней травинки не примет. И влюблен в каждого муравья, в каждую лягушку.

Оттопали мы часа два. Тушенка уже пересчитывала мне ребра, когда Стаська облюбовал местечко для стоянки. Мы натянули палатку, развели костер и истребили, к моему великому удовольствию, тушенку.

Посыпал дождь. Я, конечно, шнырь в палатку и наблюдаю через окошечко за разбушевавшейся стихией. Стаська же остался под дождем. Деревья стряхивают на него крупные капли, а он только жмурится от удовольствия.

После дождя птицы запели с удвоенной энергией.

Стаська изучал через бинокль какую-то птаху и сверялся с определителем птиц.

— Ну, надо же, — прошептал он возбужденно. — Пеночка это. Настоящая, живая пеночка. Слышишь?

Я напряг слух. Трель пеночки вдруг оборвалась. На лес вновь обрушился обух магнитофона.

До поздней ночи наш слух травмировали какие-то повизгивающие чудовища. Хотелось превратиться в кротов и уйти под землю.

— Чтоб вам облопаться волчьим лыком! — потрясал Стаська кулаками.

Утром птицы пели как-то неуверенно. Дятел сбросил на нас шишку. Мы молча закопали мусор и отправились в обратный путь. Он был щедро усыпан городскими сувенирами: яичной скорлупой, селедочными хвостами, консервными банками, свежим стеклом.

В электричке пахло хвоей. Туристская братия сняла обильный урожай еловых веток. Всю дорогу я перебирал в голове способы борьбы с дровосеками в нейлоновых курточках...

Э. ПОЛЯНСКИЙ

Подмосковные леса.

КРОКОДИЛ

№ 16 (1882)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

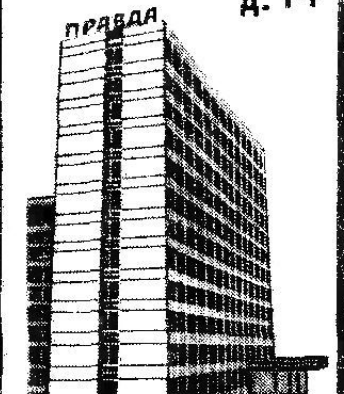

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали:
М. Битный, М. Вайсборд, Е. Горохов, А. Грунин, В. Жаринов, Н. Станиловский, Ю. Степанов, Ю. Узбянов, Е. Шабельник.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
5 0-10-86
5 3-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[ответственный секретарь]
Б. А. ЕГОРОВ
[зам. главного редактора]
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00105.
Подписано к печати
29/V 1968 г.
Формат бумаги 70×108½
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 900 000 экз.
(1-й завод:
1—4136700)
Изд. № 763.
Заказ № 1418.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

ТУРИСТ-НАДОМНИК

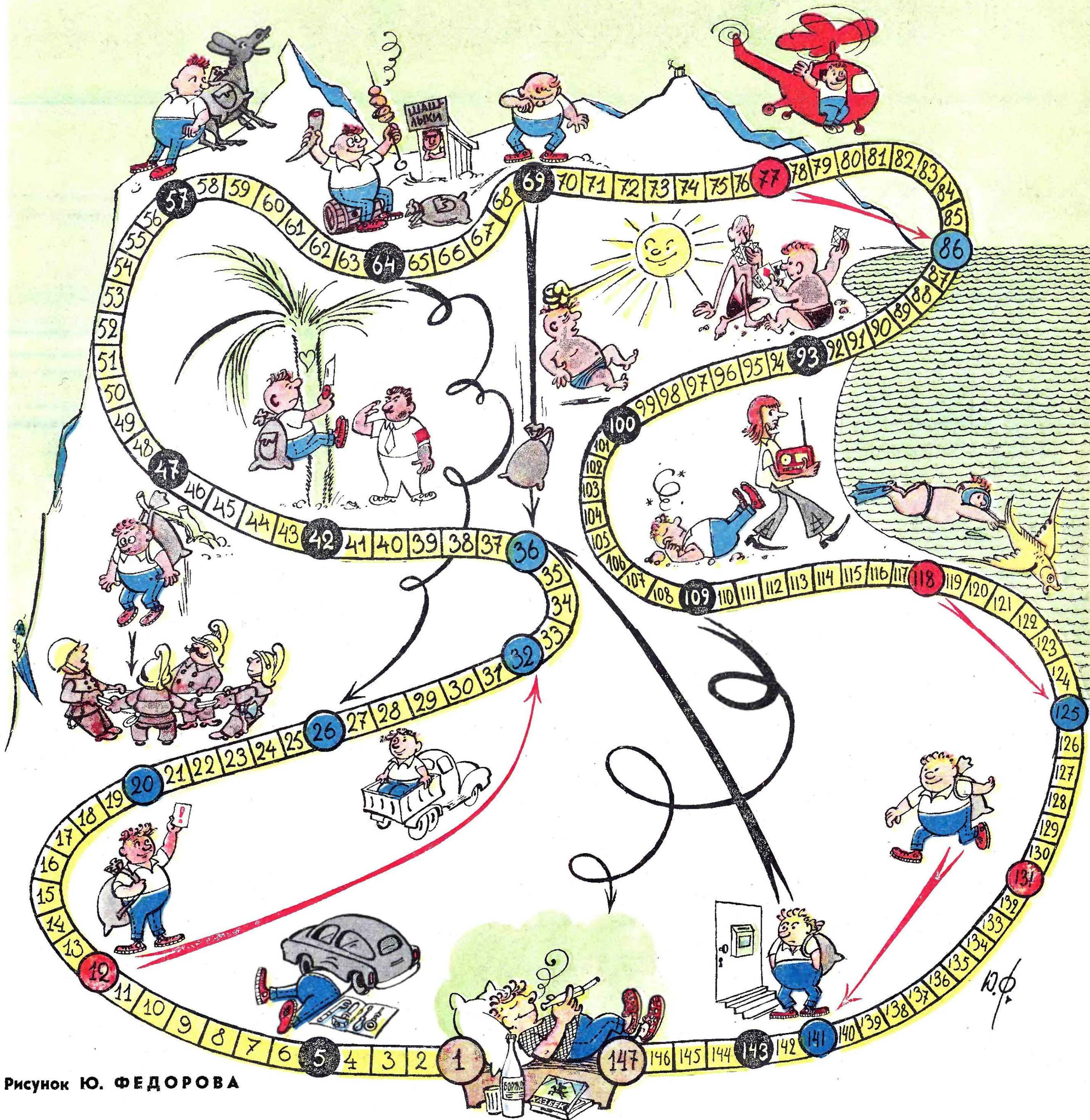

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Не каждый любит путешествовать, не каждый увлекается туризмом, а тем более альпинизмом. Вот для таких отдыхающих мы и предлагаем эту игру.

Берете игральный кубик, фишки. Можно играть вдвоем, втроем и так далее. Ходы делаются по числу выпавших очков.

Игра начинается с клетки № 1. Но уже на 5-м ходу вас ждут неприятности: из-за починки машины вы теряете три хода. Но не огорчайтесь: «Автостоп» (№ 12) может перебросить вас в клетку № 32, и вы наверстаете упущенное.

Не надо быть легкомысленным: на № 42 местный дружинник штрафует вас на два хода за «художественную резьбу» на пальме.

Но неприятности еще далеко не кончились: с № 47 вы срываетесь в пропасть, хотя, к счастью, бдительные пожарные ловят вас и препровождают на № 20.

Пытаясь облегчить свое путешествие, вы грузите ваше снаряжение на ослика (№ 57), но из-за строптивого характера этого упрямого парнокопытного пропускаете пять ходов.

Зато после этих затруднений вас ждут аппетитные местные блюда и ароматные вина (№ 64). Однако вы, кажется, злоупотребили и тем и дру-

гим. Пожалуйста отсыпаться на клетку № 26.

Еще неприятность: с № 69 у вас упал рюкзак, и вы, естественно, спускаетесь за ним на клетку № 36.

А вот и удача! Вертолет доставляет вас с № 77 прямо к морю (№ 86).

Не увлекайтесь игрой в карты на пляже (№ 93) — это задержит вас здесь на три хода.

Вообще злоупотребление солнечными ваннами может привести к тепловому удару (№ 100), и вы потеряете четыре хода.

Могучие звуки легкой музыки валят вас с ног на № 109, и вы с досады отправляетесь домой, чтобы начать путешествие сначала.

А вот подводная охота быстро перебросит вас с № 118 на № 125, если, конечно, вам удастся поймать летучую рыбу.

Путешествие приближается к концу. Прибавьте шаг, и с клетки № 131 скорее на клетку № 141.

Вы у порога родного дома (№ 143). Огорчение: нет ключа! Ничего не поделаешь — ступайте в № 36 и повторите весь путь сызнова.

Да, нелегкий летний отдых даже в воображении. Однако пусть вас утешает, что в действительности все бывает гораздо лучше.

Поэтому — путешествуйте!